

Арина
Арская

РАЗВОД

между нами только ненависть

Арина Арская

**Развод. Между нами
только ненависть**

«Литнет»

2024

Арская А.

Развод. Между нами только ненависть / А. Арская — «Литнет», 2024

— Ты, как умная женщина, — сдавливает мою шею в горячих стальных пальцах сильнее, — ведешь себя тихо. Не дергайся, дорогая. Это всего лишь развод.— Не надо... — хрипло и сдавленно прошу я. — Отпусти...— Терпеть твои истерики никто не будет, — щурится, и в зрачках моего мужа Марка вспыхивает недобрый огонь, — они меня утомили за эти тридцать лет. Теперь будет все иначе. В глазах темнеет. Руки слабеют, а ноги подкашиваются. — Папа ведь прав, — тихо говорит в стороне наша старшая дочь Яна, — никому из нас этот скандал не нужен. Развод после тридцати лет брака. Младший сын Дима при разводе принимает решение жить с отцом и его новой любимой женщиной. Старшие дочери Яна и Лена готовы играть по новым правилам любимого папули, а я для них — глупая истеричка, которая не смогла сохранить брак. ВНИМАНИЕ: Благородных рыцарей и принцев на белых конях тут НЕТ!

Содержание

Глава 1. Не смей	5
Глава 2. Почему ты не сказал?	8
Глава 3. Да пошла ты!	11
Глава 4. Ты умная женщина?	13
Глава 5. Попроси меня	15
Глава 6. Иди помоги маме	17
Глава 7. Заигралась	19
Глава 8. Может, тебя перевоспитать?	21
Глава 9. Умоляй	23
Глава 10. Не будь душой	25
Глава 11. Повтори	27
Глава 12. В монастырь пойдешь?	29
Глава 13. Побеседуем?	31
Глава 14. Огорчила	33
Глава 15. Привет	35
Глава 16. Милая лгунья	37
Глава 17. Ты лгала мне, Оленька?	39
Глава 18. Ты меня не опозоришь	41
Глава 19. Извинения	43
Глава 20. Я тебе доверял	45
Глава 21. Мы не подружки	47
Глава 22. Вот же стерва	49
Глава 23. Жадная Фаина	51
Глава 24. Я же не дура	53
Глава 25. Стервятницы	55
Глава 26. Львенок	57
Глава 27. Супер-мамочка	59
Глава 28. Когда развод?	61
Глава 29. Кринжовая мама	63
Глава 30. Когда?	65
Глава 31. Никакая	67
Глава 32. Гордая	69
Глава 33. Не забивай голову	71
Глава 34. Внимательно слушаю	73
Глава 35. Быть взрослой	75
Глава 36. Не удивлен	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1. Не смей

— Рот закрой! — гаркает на меня Марк. — Не смей на меня орать при сыне!

Я оглядываюсь на лестницу, на которой застыл наш пятнадцатилетний сын Дима с планшетом в руках.

— А, может, твоему сыну тоже будет полезно знать, что у тебя шалава завелась?!

Глаза Марка вспыхивают дикой яростью. Его лицо за долю секунду ожесточается в гримасу ненависти.

— Да, я знаю! — кричу я еще громче.

— Я тебе в третий раз повторять не буду, — цедит Марк сквозь зубы и с угрозой щурится.

— Не ори на меня при сыне.

Он не отпирается.

И в своей невозмутимости сейчас очень страшен: здоровенный мужик с предостережением прищуривается и смотрит исподлобья.

Его совершенно не волнует то, что я сегодня выяснила его грязный секрет. Нет. Его злит лишь то, что мои возмущенные крики услышал наш сын.

Меня это бесит, и мне все равно, что его взгляд требует заткнуться и не рыпаться.

Марк в принципе никогда не любил мои крики. Он всегда за то, чтобы женщина изъяснялась спокойно четко и только по делу, а эмоции ему мешают.

— Ты совсем охамел?!

А я имею право кричать. Тридцать лет брака! Две дочери и выстрадавший в тридцать пять сынок, а мой муж завел себе на стороне другую женщину, с которой его спалила моя подруга.

— Это ты?! — сую под нос смартфон с фотографией, где он жадно и взасос целует грудастую шатенку под теплыми лучами солнца на парковке. — Ты?

— Я, — с тихой яростью отвечает он.

Я проваливаюсь в громкие оскорбления, после я толкаю Марка в его широкую грудь и получаю оглушительную пощечину. На долю секунды у меня все расплывается перед глазами.

— Я тебе сказал, — рычит мне в лицо, — не ори на меня при сыне. Или я неясно выражаюсь, м?

Замираю с широко распахнутыми глазами и открытым ртом, прижав ладонь к щеке.

— Ты меня ударил...

— Зато не орешь, — чеканит мне в лицо, а после разворачивается и шагает в гостиную, кинув короткое полупальто на высокую консоль у стены. — И да, мы разводимся.

— Ты меня ударил при сыне... — в ужасе шепчу я.

— Никогда не позволяй женщинам повышать на себя голос, — Марк резко разворачивается в сторону лестницы и поднимает мрачный взгляд на сына. — Предупреди один раз, чтобы он замолкла, — щурится, — предупреди второй раз, а затем легонько приведи истеричку в чувство. Особенно тогда, когда она сама пытается прыгать на тебя, как ошалевшая болонка. Не позволяй ни одной бабе верещать на тебя. Не может спокойно вести диалог, то пусть молчит.

Я в растерянности медленно моргаю.

— Это самый главный урок для любого мужчины, сына, — Марк усмехается, — когда ты влюблен, когда твоя избранница молодая и милая, ты прощаешь ей многое. Позволяешь ей много. Терпишь многое.

— Ты меня ударил...

Марк оглядывается на меня и одаривает презрительной усмешкой:

— У нас с тобой состоится серьезный разговор, когда ты успокоишься. Как принято?

Я была настроена на скандал, но Марк резко и жестоко осадил меня. Он не считает себя виноватым и не намерен терпеть мои крики.

Они ему противны.

— И чтобы он состоялся с тобой рациональный разговор, то вот тебе следующие, — высокомерно хмыкает, — важные тезисы. Во-первых, да, у меня есть другая женщина. Во-вторых, развод я планировал. В-третьих, разойдемся мы тихо и спокойно. Это и в твоих интересах.

Вновь скалится в хищной самодовольной улыбке:

— Ты все уяснила?

Чувствую себя душой.

Марк сейчас настолько уверен в своей наглости, что я начинаю думать о своей невменяемости.

И ко всему прочему чувствую стыд за свои крики перед сыном. Действительно, ему не стоило слышать моих криков. У нас с ним и так в последнее время не ладится. У него такой сложный возраст, когда мальчик отстраняется от мамы, и она начинает бесить его строгостью, разговорами и требованиями учить уроки.

Как Марку в очередной раз удалось выставить меня идиоткой?

— Да, вот так, Олечка, — Марк улыбается, — поменьше говори и побольше думай.

Скрывается в гостиной, ослабляя узел галстука.

— Я пойду к себе в комнату, — заявляет Дима и, попятившись, поднимается на две ступеньки.

— Собери вещи на первое время, — судорожно шепчу я.

— Если тебе надо, ты и уходи, — доносится до меня гневный низкий голос Марка. — Дмитрий останется дома. Ты его не втягивай в свою великую драму.

— Не слушай его, — подхожу к лестнице. — Нам нельзя оставаться здесь. Поедем к бабушке...

— Я пойду к себе, — Дима хмурится разворачивается и поднимается на второй этаж.

Я прижимаю ладонь ко лбу, на котором выступила холодная испарина.

Ничего не понимаю.

Я в своем гневе права. Это не меня сняли на видео, как я целуюсь с любовником и как я позволяю ему мацать мою задницу.

Сын должен быть на моей стороне. Особенно после того, как на его глазах Марк залепил пощечину.

Да, пощечина не была сильной и жестокой, но унижительной, а для Димы это не стало шоком.

Он просто решил уйти в свою комнату.

Мальчики в пятнадцать лет все же должны вставать на защиту любимой мамы, а не молча уходить, когда прозвучала новость об изменах отца.

Мозг прогрызает скользкая и противная мысль.

Неужели наш сын знал о любовнице Марка? Он поэтому не был удивлен?

— Дима! — я поднимаюсь на несколько ступеней.

Под волной слабости хватаюсь за перила. Голова кружится.

— Дима!

Это лишь кошмарный сон. Я крепко зажмуриваюсь, а после резко распахиваю глаза в надежде, что я сейчас проснусь, но я все также стою на лестнице, крепко сжав перила двумя руками.

Я торопливо поднимаюсь и шагаю в сторону комнаты сына. Озноб ползет между лопаток. Нет, я ошибаюсь.

Решительно распахиваю дверь

— Мам, а постучать? — Дима возмущенно стягивает наушники с головы.

— Ты знал? — сжимаю ручку двери до боли в пальцах. — Знал о другой женщине отца?

Глава 2. Почему ты не сказал?

— Ты знал? — повторяю я тихий развод.

Дима закатывает глаза и вновь смотрит в экран планшета.

— Ответь мне, пожалуйста.

Я и так понимаю, что Дима все прекрасно знал об отце и его связи с другой женщиной.

— Почему ты не сказал?

Я едва стою на ногах, поэтому приваливаюсь к косяку плечом, чтобы найти опору, а иначе я упаду сейчас.

— Мам, я занят.

— Играми занят?

Зло смотрит на меня и поджигает губы. Прищуривается в точности как его отец, и меня это зловещее сходство между сыном и отцом пугает до холодных мурашек.

— И что бы ты сделала? — он вскидывает бровь. — Покричала и развелась? Да? И пофиг, что ты уже старая.

Вновь сердито утыкается в планшет, а у меня глотку перехватывает спазм слез и по рукам прокатывается липкая слабость.

В груди — горячо.

Больно слышать от сына, что я старая. Прижимаю дрожащие пальцы к щеке, по которой бежит соленая едкая слеза:

— За что ты так со мной.

— Достала!

Он вскакивает с кровати, отбрасывает планшет на подушку и резким размашистым шагом идет ко мне.

Я даже пугаюсь, потому что он пусть и мой сын, но уже совсем не крошка-мальчик. У него порода отца. Он уже высокий крепкий подросток с силой, которой может позавидовать взрослый мужчина.

Я под вспышкой страха отступаю.

— В следующий раз стучи! — громкой приказывает он и захлопывает перед моим носом дверь.

Я вздрагиваю.

Около минуты стою в шоке, и в который раз чувствую себя дурой-истеричкой.

— Ты не должен так с мамой говорить... — тихо и растерянно отзываюсь.

— Надоела! Я же сказал, я занят! — рывкает Дима из-за закрытой двери. — И не пойду я с тобой никуда! Останусь тут!

Я должна собраться с мыслями и понять, как быть дальше. В моей голове существует только один сценарий: я скандалю с Марком, объявляю ему о разводе, а после с сыном ухожу, но реальность оказалась куда сложнее.

— Истеричка, — фыркает Дима в комнате.

Сыну пятнадцать. У него сейчас сложный возраст, и я, как мудрая мать, должна сейчас отступить.

С Димой всегда было сложно. Даже во время беременности. Старших дочерей я выносила резво, без проблем и энергично, то с сыном я намучилась: повышенный риск выкидыша, вечная слабость, сильная ежедневная тошнота, боль в суставах, отеки ног... Даже вспоминать страшно.

— Если ты успокоилась, — по коридору в левое крыло напряженно шагает Марк в сторону кабинета, — то приглашаю на разговор.

Хрустит шейей, разминает плечи и оглядывается с ухмылкой:

— И иди умойся. У тебя тушь потекла.

— Да как ты смеешь...

— Ты выглядишь сейчас жалко, Оль, — с неприязнью хмурится, — а как же все твои слова о том, что настоящая женщина в любой ситуации выглядеть королевой? Королевы что-то не наблюдаю.

Он мне только что припомнил слова из моей последней речи на осеннем юбилейном ужине моих “женские вечера”, которые я курирую десять лет.

Я та самая дура, которая любит учить других дур о семейном счастье, женском предназначении и о том, как правильно любить мужа, чтобы он обожал тебя всю такую настоящую королеву.

У нас ведь очень красивая семья, и мы с Марком на публике всегда — счастливые, заботливые, внимательные друг к другу. Мы аж сияем тем самым счастьем и любовью, о которых мечтает каждая женщина.

Но... все это оказалось ложью и иллюзией.

— Не королева... — Марк обнажает зубы в самодовольной улыбке, вновь припоминания мне мои же слова, — а несчастная свинопаска.

“Девочки, главное для мужчины быть королевой, и знать себе цену, тогда и муж будет ценить вас. Ни в коем случае не будьте жалкой свинопаской, которая вымаливает у него внимание и любовь. За нас, девочки, за королев”.

Я не замечаю, как я торопливо и зло шагаю к Марку и как одариваю его пощечиной, на которую он лишь хмыкает, а затем он игнорируя мои попытки вырваться, затаскивает в спальню.

Молча.

В какой-то момент мне кажется, что он меня сейчас убьет.

Он затаскивает меня в ванную, ловко и жестоко перехватывает мою шею локтевым сгибом.

Он все так же молчит, а я кричу.

Свободной рукой он включает воду, набирает в ладонь воду и в следующую секунду грубо проводит ею по моему лицу.

— Что ты делаешь?! Пусти

Второй раз ополаскивает мое лицо. Я захлебываюсь.

— Вот так, — чеканит Марк, срывает с крючка полотенца и прижимает его к моему лицу, — а то смотреть на тебя невозможно.

Хмыкает, когда я все же вырываюсь. Я пячусь в ужасе от Марка, который кидает мне в лицо полотенце:

— Вытрись.

— Как ты смеешь...

— Тебя пора понять очень важную истину, — подходит ко мне вплотную, — я сильнее, Оля, и с того момента, как ты выскочила ко мне с криками о моей любовнице, ты перестала быть моей женой, и отношение у меня будет соответствующее.

Я отталкиваю Марка от себя:

— Ты еще пожалеешь! Я не буду это терпеть!

Я выбегаю в спальню, кидаюсь к телефону, что лежит на кровати.

— Все узнают о твоей измене! И твоей шмаре! — касаюсь имени нашей старшей дочери Яны в списке контактов.

Она у нас крупный блоггер с двумя миллионными аккаунтами: один посвящен работе визажистом, а второй — личный. На втором аккаунте она в том числе и нами с Марком хвасталась, какая мы идеальная пара, и что я настоящий женский гуру в отношениях.

Да, это была часть масштабного пиара нашей семьи, и на образе клевой современной семьи можно неплохо заработать.

А теперь мы с дочкой этого мерзавца опозорим.

— Яна, мы с твоим отцом разводимся! Слышишь?! Он мне изменяет! Он поднял на меня руку!

Глава 3. Да пошла ты!

— Димку не втягивай во все это, — Яна хмурится. — Это нормально, что он не хочет участвовать в ваших дрызгах. У него сейчас другие интересы.

Я молча приподнимаю брови.

Она садится на край кровати, отворачивается от меня и задумчиво покусывает ноготь:

— Блин... Черт... — оглядывается, — мам, ну какой сейчас развод?

— Ты меня, что, не слышала? У него другая женщина, — вскидываю руку в сторону двери. — Он меня ударил!

Молчит, щурится и тихо говорит:

— Синяки покажи.

Я под пристальным взглядом кутаюсь в кардиган.

— Мама, — голос у Яны становится напряженным и недовольным, — твои истерики ничем не помогут. Ты понимаешь, что ваш развод — это очень серьезно.

Чую, что ждать от меня той гневной и яркой поддержки от дочери не стоит. Не будет от нее разоблачающих роликов об отце-негодяе, о его новой шлюхе, потому что... это невыгодно для ее коммерческого аккаунта.

Она сейчас думает, как правильно рассказать подписчикам о том, что ее идеальные любящие родители разводятся. Она хочет по максимуму сохранить лояльную аудиторию, которая все же пришла смотреть на идеальную картинку жизни, а не реальность с разводами.

Людям нужна сказка.

— Иди поговори с ним, мам, — Яна продолжает не мигая смотреть на меня. — Вы же взрослые люди, в самом деле, и ты же сама понимаешь, что сейчас многое от тебя зависит.

Ох, как я любила вещать другим курицам, что в семейной жизни многое зависит от женщины, но жизнь схватила меня за шкурку и макнули в дерьмо, как тупого котенка.

Давай покажи, как многое сейчас от тебя зависит.

— Мам, ты же орать сразу начала, да? — Яна кривит губы.

Я растерянно моргаю.

— Тебе показать это видео?

Я сую ей под нос смартфон, который она выхватывает из моей руки. Несколько раз касается экрана, и откладывает телефон:

— Я удалила это видео.

— Что ты сделала?

— Мам, включи мозги, — бессовестно игнорирует мой вопрос. — Ты прекрасно знаешь, что папа не любит всех этих бабских истерик. Не в вашем возрасте разводится! — повышает голос и встает с моей кровати. — И есть информация, кто она? И кто снял это видео?

Не дождавшись от меня ответа, она отмахивается и шагает к двери:

— Пойду с отцом поговорю. Ты сейчас вообще не соображаешь.

— Тебе все равно, что отец твоей матери изменил?

Яна оглядывается у двери:

— Нет! Мне не все равно! — повышает она голос до поучительного крика. — Но я совершенно не удивлена такому развитию событий! И я бы на твоём месте вместо того, чтобы сопли жевать, взяла бы себя в руки и решила бы этот вопрос!

Передо мной вроде стоит молодая женщина, молодая мать двух маленьких детей, молодая жена, а в ее голосе нет сочувствия, только злость и разочарование.

— Ты же у нас всегда выступала за то, чтобы женщина стремилась сохранять брак и идти на встречу к мужчине, — она пытается передразнить мой интонации на моих “женских лекциях о житейской мудрости”. Рывкает, — самое время для практики! Что? Самое время побыть

мудрой женой и выяснить, почему твой муж решил наскочить на другую женщину? Может, не так вдохновляла? Или, может быть, в постели ленилась, а?

Тяжело дышать.

Лицо до сих пор горит от ворса полотенца, которым Марк мне вытирал лицо.

— Что ты смотришь на меня? Ты подумала о моих репутационных рисках, о своих? Кто теперь пойдет слушать тупую разведенку, которая не смогла мужа у своей юбки удержать?! Да тебя обсмеют!

По рукам от плеч до кистей прокатывается волна жара, а после мороза. От мурашек приподнимаются волосы, и в горле пересыхает.

— Я к отцу, — бросает мне Яна и торопливо выходит из спальни.

Я кидаю тоскливый взгляд на раскрытый чемодан и разбросанные вещи. У кровати валяется шифоновое голубое платье от Оскара де ла Рента. Я в нем неделю назад на “читательском полднике” моего женского клуба устроила для моих девочек встречу с семейным психологом, который презентовал новую книгу о кризисе возрастных пар.

Теперь понятно, почему Марк с такой усмешкой оплатил этого психолога и сказал:

— Опять тупое и пустое словоблудие. Господи, Оль, какой ерундой ты маешься.

Он у меня всегда был ворчуном.

— Проклятье, — прижимает кулаки ко лбу, а затем резко встаю.

Я не позволю Марку и дочери за моей спиной обсуждать то, какая я истеричка и как я себя неправильно веду.

Меня обманули!

Меня предали!

Меня втоптали в грязь!

Меня унизили!

Со мной так нельзя. Вылетаю в коридор и почти на грани аффекта иду в сторону кабинета Марка.

— Вот урод...

— Мам, — слышу голос Димы за спиной, — тебе же папа сказал, чтобы без скандала...

— Пошел в свою комнату, — в ярости оглядываюсь. — Я сама решу, когда скандалить, а когда нет!

— Да пошла ты, — огрызается и хлопает дверь.

Глава 4. Ты умная женщина?

— Пап, я...

— Если ты начнешь мне тут морали читать, доча, то вылетишь пулей, — зло и низко отвечает Марк нашей дочери. — Я уж как-нибудь без сопливых со своей женой разберусь.

— И с любовницей? — спрашивает Яна. — Пап, я не орать приехала. Уж кто-то, а я давно знаю, что с тобой ни о чем не договоришься, если орешь.

Я в молчании Марка аж осязаю его самодовольство и одобрение. Яна у него всегда была любимицей.

Она никогда не капризничала при нем. Даже в два года.

Она всегда к нему ластилась, строила ему умильные глазки и если что-то очень хотела, то просила шепотом, а после обнимала его за шею и целовала в щеку.

Ну, у какого отца к такой маленькой хитрой подлизе сердце выдержит?

— Пап, не надо вот так все рубить, — тихо говорит Яна.

— Ты все-таки читаешь мне морали, — голос Марка вновь становится строгим и злым. — Я не хочу говорить своим подписчикам, что мои мама и папа разводятся, — голос Яны вздрагивает жалобной обидой, в которую верю даже я.

— А я был против того, чтобы ты постоянно крутилась и вертелась вокруг нас с камерой, — безапелляционно заявляет Марк, — но эта черта у тебя от твоей показушной матери.

Я стою у двери и смотрю на пальцы своих ног. Пытаюсь успокоиться, но как-то слабо получается.

Вот кто я для него, показушница?

Я моментально вскипаю.

— Да я любила показывать другим нашу семью! — врываюсь в кабинет. — Потому что хотела, чтобы мир увидел нашу любовь! И чтобы все стремились к таким отношениям! Чтобы... не разменивали свою жизнь...

— Вот я и не хочу больше разменивать свою жизнь, — заявляет Марк, который развалился на кожанном диванчике у длинного стеллажа с книгами. Смотрит прямо, — на тон ниже, Оля. У меня голова раскалывается от твоих визгов.

— Ты мне изменяешь и требуешь разговаривать шепотом?!

— Да, поэтому считаю до трех, — не моргает и немного прищуривается, — либо я выставлю из кабинета. Ты помешала нашему разговору с дочерью.

— Мам, выдыхай... — Яна касается моей руки, — сейчас с папой надо по деловому... Ну ты, будто его не знаешь...

— Хоть у нашей дочери мозгов побольше, — Марк прищуривается сильнее.

— Я не стану терпеть к себе такое хамское отношение!

— Один, — тихо и четко проговаривает Марк, не спуская с меня взгляда.

— Мама... — Яна хватается за руку и сжимает пальцы. — Ты не видишь, папа разъярен?

— Тебе всегда была его подлизой! — я отталкиваю Яну от себя. — Ты всегда любила его больше чем меня!

А у меня крышу рвет. Да, Марк всегда был любимым папочкой, пусть он никогда не спускал с рук капризы, крики и детские истерики. Он многое запрещал, требовал послушания и ждал четкой дисциплины со строгим режимом, но он все равно был “любимым” папулей, которого часто обнимали, целовали и лезли с просьбами почитать сказки.

Господи, да у наших дочерей был график, когда и кого папа первым забирает из школ.

— Два, — вздыхает Марк.

Я теряю семью. Я не знала, что женщине бывает настолько страшно в моменте, когда ты осознаешь, что больше не единственная женщине в судьбе твоего любимого мужа.

Мой Марк, с которым я чувствовала себя особенной женщиной, спит с другой. Целует, ласкает, вдыхает чужие духи у шеи в мелкой испарине, а после ловким и решительным рывком переворачивает охнувшую шмару на живот, потому что он любит сзади...

Фантазия этого наимерзейшего непотребства настолько реальна, что я будто слышу наяву стоны, рык Марка.

— Какой же ты мерзавец! После стольких лет!

— Три.

Марк в мгновение ока оказывается рядом со мной. Яна вскрикивает, пятится, прижав ладони к лицу, но не пытается остановить своего безумного отца.

Марк хищно вскидывает в мою сторону руку, хватая за шею, и я оказываюсь прижата к стене мягким уверенным рывком.

— В одно из своих статей ты, моя дорогая, — приближает ко мне лицо, — вешала, что ни в коем случае не стоит кричать на мужа. Что такое, Оль? Я же внимательно читал все твои тупые, — выдыхает мне в лицо, — опусы.

Меня охватывает холодный ужас перед силой Марка. Он реально способен задушить меня одной рукой без особых усилий.

Передо мной не Марк, а разъяренный зверь, который сожрет надоедливую мышь. Слишком громко пищит.

— Ты, как умная женщина, — сдавливает мою шею в горячих стальных пальцах сильнее, — ведешь себя тихо. Не дергайся, дорогая. Это всего лишь развод.

— Не надо... — хрипло и сдавленно прошу я. — Отпусти...

— Терпеть твои истерики никто не будет, — шуруется, и в глазах моего мужа Марка вспыхивает недобрый огонь, — они меня утомили за эти тридцать лет. Теперь будет все иначе. В глазах темнеет. Руки слабеют, а ноги подкашиваются.

— Папа ведь прав, — тихо говорит в стороне наша старшая дочь Яна, — никому из нас этот скандал не нужен.

Разжимает пальцы, и я оседаю с кашлем на пол к его ногам.

— Да, скандала не будет, — Марк приглаживает волосы и наклоняется ко мне, — потому что вы, девочки, если и будете о нем говорить, то аккуратно и с милыми улыбочками, — поднимает мое лицо за подбородок и вновь с угрозой вглядывается в глаза. — Кстати, ты все же поделись, кто тебе видео прислал? Какая подружка?

Глаза не просто холодные, они — ледяные, и я понимаю, что Марк накажет Ксюшу, когда узнает, что это она прислала видео.

Ей жопа.

Марк, мягко скажем, очень недоволен.

— Я очень не люблю, когда лезут в мою семью, — стискивает мой подбородок до боли. — И это твоя вина, а я тебе потакал. Зря. Но все меняется, дорогая. Я постиг свою мужскую мудрость.

Глава 5. Попроси меня

— Что еще за мужская мудрость? — хрипло говорю я, и от каждого слога побаливают хрящи глотки.

Прижимаю ладонь к шее.

— Нельзя женщине многое позволять, — голос марка вибрирует гневом, — а то она начинает путать берега.

Я смотрю на мужа, как на чужого мужика, который теперь опасен для моей жизни. Еще утром мы завтракали в тишине и спокойствии, а сейчас он готов меня задушить.

— А ты берега не попутал? — шепчу я.

— Нет. Я просто устал от тебя, — прищуривается. — Особенно это я понял сегодня, когда не успел войти, а ты орать начала. С потекшей тушью, растрепанная... Я женился на другой. Не на этой, — он окидывает меня презрительным взглядом, — истеричной, высокомерной дрянью, — вновь всматривается в глаза, — я вдруг понял, что мне противно от тебя.

Я не в силах моргнуть.

— Сегодня я это и понял, — он скалится в улыбке. — Мне противно.

— Не смей говорить такие вещи при нашей дочери... — меня начинает трясти крупной дрожью.

Ему противно.

Когда он сказал это вслух, то я аж коже почувствовала его презрение и отвращение. Я будто покрылась липкой холодной слизью, как старый мерзкий слизняк.

— Нашей дочери будет полезно знать, к чему может прийти семья, если быть тобой. Пусть посмотрит на нашем примере и сделает выводы.

Я сейчас должна промолчать, потому что любое мое ехидство будет стоить мне слишком дорого.

Марк в бешенстве, и мне лучше заткнуться. Не надо провоцировать его на новую вспышку агрессии.

— Молчишь? — улыбается и поглаживает меня по щеке. — Вот и молчи.

А после распрямляется и шагает к массивному столу, раздраженно разминая плечи. У дивана затихла испуганная Яна.

Она же просила меня успокоиться. Говорила, что папа не в себе и что не надо проверять на прочность его терпение.

Он явно недоволен тем, что моя подруга влезла в нашу семью. Он зол не из-за того, что я знаю о его изменах. Нет. Он в ярости, потому что чужой человек посмел “наябедничать” на него. Он такого не терпит.

— Ты мне ответишь, кто прислал тебе видео? — Марк садится в кресло.

— Наверное, опять тетя Ксюша, — сипит Яна.

Я перевожу на нее возмущенный взгляд. Да что с ней не так?

— А что, мам? — она кривится. — И, знаешь, я даже думаю, что эта дура даже следила за отцом!

У меня брови ползут на лоб. Это еще что за новости? Что за глупости? Зачем моей подруге следить за Марком?

— Да она вечно на папу слюни пускала, — зло поясняет Яна. — Господи, мам, не будь такой слепой душой.

Я в шоке молчу, но потом из меня все же вырывается тихое возмущение:

— Как это отменяет то, что у твоего отца есть другая женщина?

— Значит, Ксения, — недовольно цыкает Марк и откидывается на высокую спинку кресла. Закрывает глаза. — Насколько женщины бывают тупые.

Покачивается в кресле, а после резко закидывает ноги на край стола. Я пугаюсь и вздрагиваю.

— Дима после развода останется со мной, — заявляет он, напряженно глядя на тусклую настольную лампу. — Не будет он маменькиным сынком. Да и думаю, он сам согласится жить со мной.

В чем я так нагрешила перед Марком, что он обратился в такое бессердечное чудовище?

— Он и мой сын, — возражаю я. — Ты не можешь его отнять у меня.

— Он уже не малыш, — переводит на меня острый и пристальный взгляд. — Изъявит желание приезжать к мамуле, встречаться с ней, то я не буду запрещать, но... Изъявит ли? Как думаешь?

Я чувствую себя под его тяжелыми и пристальным взглядом никчемной женщиной и отвратительной матерью.

Несправедливо.

— Я хорошая мать...

— Это уже решать Диме, — Марк хищно улыбается, — но ты же и женой себя считала прекрасной, да?

Поджимаю губы и сжимаю в бессилии кулаки.

— Но я как твой муж скажу, что нет, я совершенно недоволен тобой в роли жены, — посмеивается, — ты ее отлично играла.

— Неправда...

Я сейчас опять сорвусь в крик, но уже без слов и проклятий. Я буду просто кричать, потому что мне сейчас почти физически больно.

— Пап, вам надо остыть, — Яна вновь подает голос. — Дать себе паузу... Хорошенько подумать. Вы столько лет вместе, — всхлипывает и пускает слезу.

Это наигранная печаль. Она пытается пробить Марка на жалость, как делала это в детстве.

Конечно, ей не хочется прощаться с картинкой идеальной семьи. Это же высокие просмотры, предложения о рекламе, сотрудничество с другими известными блогерами, интервью, проекты с коммерческими и благотворительными фондами.

На идеализированной истории своей жизни она делает бабки. Большие бабки. Это бизнес, и сейчас она стоит перед отцом не как дочь, а как бизнесвумен, у которой часть контента под угрозой.

— Ну, — Марк утомленно вздыхает, — если твоя мать сейчас попросит не подавать на развод и пообещает, что теперь наши отношения будут другими, то... — хмыкает, насмешливо взглянув на меня, — я, может быть, подумаю.

Глава 6. Иди помоги маме

— Ты в своем уме, — хрипло охаю я.

— А как же женская мудрость и уступчивость? — Марк вскидывает бровь. — Ты же у нас богиня семейных истин. Может, пора самой соблюдать свои проповеди?

Улыбается шире:

— Давай, как ты учишь других идиотов, — усмехается, — сострой жалобную моську, бровки домиком и голосок потише. И проси, чтобы я не злился. И что ты все поняла, лицемерная ты дрянь.

Я в возмущении распахиваю ресницы и теряюсь под презрительным взглядом темных глаз. Смотрю на Яну в ожидании хоть какой-то поддержки, а она молча садится на диванчик и прячет лицо в руках.

— То есть ты согласишься с тем, что если ты не стараешься для нашего брака, то и я могу в ответ проявить агрессию? — Марк немного клонит голову набок. — Я все правильно говорю, да? Так чему ты удивляешься?

Он не позволит мне кричать, скандалить и доказывать то, что он моральный урод, которому я все эти годы создавал ореол благородного, щедрого и справедливого мужа. Да у него даже есть свои фанатки.

А сколько я получала сообщений под нашими семейными фотографиями, что мечтают о таком мужчине и что мне повезло сорвать джек-пот.

Богатый, красивый и любящий.

— Твой женский клуб остается у тебя, — Марк прижимает пальцы к переносице и массирует ее. — Вбухал я в него, конечно, непростительно много бабла... Да, дорогое, у тебя хобби, Оленька, — вновь смотрит на меня, — за десять лет, Оль, никакой прибыли. Твоя дочь хоть монетизировала все это, а ты просто красовалась перед другими.

— Мой клуб и не был никогда бизнесом...

— Вот и продолжай с ним возиться, но уже без моих вливаний, — скалится в улыбке. — Если отследить всю эту финансовую поддержку за десять лет, то там сумма очень серьезная получится.

Окидывает меня задумчивым взглядом:

— Но ты же должна понимать, что я не позволю тебе со своими курицами истерить и обсасывать наш развод? Да? Вы сядете с Яной и подумаете, как все правильно подать и как сохранить свое женское достоинство.

Яна проводит ладонями по лицу и опять крепко зажмуривается:

— Мы же с мамой хотели книгу выпустить.

— Никакой книги не будет, — четко и строго заявляет Марк. — Мне ваши игры надоели. Вы обе заигрались. Я вам многое спускал. Вы же девочки, вам же надо быть чем-то занятыми, вам нужно общение с такими же дурочками, как вы, но... у твоей мамы последние встречи совсем оторваны от реальности.

Он переводит на меня тяжелый и темный взгляд:

— Оказывается, все мои успехи — это только ее достижения, — смеется. — Без нее я бы был обычным менеджером младшего звена. Даже не среднего. Что же ты так меня опустила, дорогая?

— Пап, ну, это же просто бабские понты... — Яна смотрит в пол. — И я же планировала все эти встречи мамы пустить в коммерческое русло. Сейчас такое модно.

— Без менеджера слабого звена бабские понты больше не сработают, да? — Марк резко скидывает ноги со стола и подается в мою сторону, сцепив ладони в замок. — Тебя самой от себя не тошнило, Оль, на этих встречах?

— Я хотела... лишь подарить женщинам сказку... подруг, откровенных разговоров... я хотела создать безопасную территорию для тех, кто потерялся... Вдохновить...

— Ясно, — хмыкает, — я переведу на человеческий твой бред. Ты хотела за чужой счет быть особенной королевой, но, опять же, припоминая твои слова... Настоящая королева и без мужчины королева, да?

— Ты мне мстишь за эти встречи?

— Они мне никогда не нравились. Я тебе не раз говорил, чтобы ты меняла формат всей этой вакханалии, но кто я такой, чтобы указывать королеве, да? Я только был обязан все это оплачивать без лишних вопросов и разговоров.

— Мне мои девочки помогут найти юриста...

— Господи, мам... — шепчет Яна, — пожалуйста... просто помолчи... дай папе остыть...

— Объявляешь мне войну? — Марк ухмыляется и встает из-за стола.

Он меня эти последние месяцы лишь терпел? Как я могла не заметить, что в моем муже с каждым днем все сильнее и сильнее нагревается вулкан ярости?

Я вздрагиваю и съёживаюсь у стены, когда Марк подходит к двери и широко распахивает ее:

— Ты же уже начала собирать вещи, да?

— Да, — обессиленно сиплю я.

— Вот и умничка, — отвечает Марк, снисходительно глядя на меня. Оборачивается на Яну, — иди помоги маме.

— Я хочу знать, кто она, — закрываю глаза не в силах выдержать прямой и недовольный взгляд Марка, — хочу знать, на кого ты меня променял.

— На бабу без бабских понтов, — жестоко усмехается, — и я думаю, что этот вопрос ты можешь задать своей подружке Ксюше. Кстати, — он рывком за плечи поднимает меня на ноги и заглядывает в лицо, — наверное, ее сегодня стоит пригласить к нам в последний раз. И с ее мужем.

— Папа, — Яна заметно напрягается, — зачем?

Меня начинает потряхивать в руках Марка, который сейчас походит на маньяке в остром и агрессивном психозе.

— Проведу с ними серьезную беседу, что я не тот человек, — приближает ко мне лицо, — который потерпит такое крысятничество за спиной. Поэтому ты пока собери вещички, а после завари чаек для подружки. Желательно успокоительный.

— Она лишь не хотела мне лгать...

— Мне насрать, чего она хотела или не хотела, — Марке медленно разворачивает меня к проему двери и выталкивает в коридор, — но я научу ее тому, что прежде чем лезть в чужую семью, надо десять раз подумать, а ее мужу популярно объясню, что свою жену научить таким простым вещам должен был он.

— Пап...

— Я повторять не буду, Яна, — Марк не сводит с меня взгляда, — иди помоги маме собрать вещички.

Глава 7. Заигралась

— Я поняла! — истошно кричит Ксюша. — Поняла! Прости!

Лицо искажено страхом, паникой. Щеки покраснели от слез, нос и глаза опухли.

— Я не знал... — хрипит ее муж Алексей.

Он лежит на ковре. Указательный, средний и безымянный пальцы правой руки неестественно вывернуты вверх.

— Марк... — Ксюша ползет на коленях к Марку, который невозмутимо пьет воду из бутылки, будто и не ломал никому пальцы. — Мне так жаль... Я не хотела... Господи...

Мы в малой гостиной, которая совмещена с бильярдной комнатой. Я стою у бильярдного стола и боюсь дышать.

— Моя жена интересовалась, — Марк отставляет бутылку на высокую консоль у стены, — кто моя любовница. Видео ты отправила, но... не дала никаких пояснений.

— Я не знаю... Я случайно...

— Не лги мне! — рев Марка сотрясает стены и пол, а затем он.

Я прячу лицо в ладонях и опять слышу мерзкий хруст и крик Алексея. Внутри все переворачивается, колени подкашиваются, и я оседаю на пол. Хватаюсь за бильярдный стол.

Крики Алексея переходят в мычание:

— Марк, я не знал...

— Фаина... — сипит Ксюша. — Ее зовут Фаина. Тридцать пять лет... старший менеджер подбору персонала в одном из рекрутинговых агентств...

— Название. Ты же все вынюхала, да? — рычит Марк, распрямляется и прячет руки в карманы брюк.

— Профи Лайн, — всхлипывает Ксюша. — Разведена. Уже как пять лет. Сыну шестнадцать. Учится в частной школе в Чехии.

Алексей переворачивается на спину, поднимает дрожащую изуродованную руку и издает отчаянный клекот.

— Пианистом тебе не быть, — цыкает Марк. — Слушай, Леш, почему ты не знаешь, что твоя жена следит за мной, м?

— Я ему не говорила... Марк, он ничего не знал... Я просто... Заигралась... Я просто хотела быть хорошей подругой...

А я молчу, будто застыла в каком-то лимбе. В каком-то жутком кошмаре, в котором мой муж потерял все человеческие качества и моральные принципы.

Да, он не был пушистым котенком, но и зверюгой он таким не был. Или я обманывалась его игрой в сдержанного и немного угрюмого семьянина?

— Зачем ты за мной следила? — Марк вновь смотрит на Ксюшу. — Солжешь, руку сломаю Алексею. Тоже по суставу. Ему будет очень неприятно.

Я должна его остановить, но не могу ни слова вымолвить. В нем больше нет того снисходительного мужа, который оплачивал мои «хотелки», покупал дорогие подарки, потому что мне вдруг стало что-то грустно, милостиво обнимал, когда я жаловалась, что очень вымоталась на очередной встрече с «моими девочками».

Нет.

Я вижу монстра, который знает, как правильно ломать пальцы и который умеет награждать противника одним четким ударом, сносящим с ног.

Я вижу чудовище, которое не боится криков, слез и глух к мольбам.

— Я хотела... я должна была... я...

— Не мямли, — цедит сквозь зубы Марк.

Ксения оглядывается на меня. Неужели она думает, что я в силах остановить мужа, который окончательно сорвался с катушек?

Он же и мне сказал, что если я буду кричать, то Леше и на второй руке сломают пальцы. Ему мои визги неприятны.

— Я... я... — она закрывает глаза и скулит, — ненавидела Олю. Ненавидела, — ее скулеж становится громче, — ты ее баловал, терпел ее... я... влюбилась... Марк... — воет в ладони, — я хотела, чтобы вы развелись... Я хотела узнать тебя получше, поэтому начала следить, а ты... ты... — она резко отрывает ладони от лица, которое вскидывает к Марку, — у тебя была другая!

Это какой-то сюр.

Я точно сплю. В моей реальности Марк — добропорядочный любящий семьянин с непростым характером, с которым я давно свылась и к которому я нашла подход, а Ксюша... Ксюша — та боевая подруга, с которой можно и в разведку пойти.

— Вы должны были развестись... — Ксюша вновь переходит на противный жалобный шепот. Она немного шепелявит. — Больше не быть вместе...

— Какая же ты мразь, — хрипит Алексей и сворачивается в позу эмбриона, прижав руку со сломанными пальцами к груди, — вот почему ты так вечно рвалась к своей подруге... то на чай, то на сплетни...

— Тоже много потакал жене? — Марк проходит к креслу и падает в него. Вытягивает ноги. Он расслаблен. — Как забавно, да? — переводит на меня пустой взгляд. — Как Ксюша тебе лила в уши, что ты такая распрекрасная, а сама хотела подвинуть тебя. Это же надо было устроить за мной слежку, и ведь не сразу тебе все рассказала, — смеется. — Женская дружба меня удивляет. Вы такие крысы.

Меня начинает трясти еще сильнее.

— Я не должна была... не должна... прости Марк...

Я, не в силах моргнуть, наблюдаю за тем, как моя подруга на коленях шаркает к нему, пытается схватить за руку и получает презрительную оплеуху. Ее отбрасывает в сторону. Хватается за лицо и втягивает голову в плечи.

У меня немеют руки от плеч до ладоней.

Слезы ужаса застыли в глазах, волосы на загривке приподнялись.

Мой муж иногда мог вспылить и ударить стену кулаком при наших ссорах, но после этого он уходил, чтобы успокоиться, но сейчас...

Сейчас он не намерен больше сдерживать себя.

Потому что ему надоело.

Потому что он меня больше не любит, и любовь не ограничивает его раздражение и ярость.

Видео и попытка влезть в нашу семью была последней каплей в чаше его терпения.

— Ты, мразь, такая, — Марк подается в сторону Ксюши, — кому еще отправила видео? Кому успела еще разнести свежие сплетни?

Глава 8, Может, тебя перевоспитать?

— Еще несколькими... — Ксюша опять всхлипывает и кидается, все также на коленях к смартфону, который она уронила на ковер, когда Марк нанес первый удар ее мужу. — Господи...

Я как замерла в ужасе на полу у бильярдного стола, так и не шевелюсь, неспособная даже полноценно моргнуть.

Ресницы лишь вздрагивают, но веки не смыкаются.

— Какая же ты мразь... — хрипит Алексей. — Я же любил тебя...

Марк хмыкает.

С дрожью в теле перевожу на него взгляд. Чудище. Самое настоящее чудище, которое одномоментно скинуло маску добропорядочного семьянина и терпеливого мужа.

Развалился в кресле, широко расставив ноги, и с властной высокомерной ленцой наблюдает за Ксюшей, которая никак не может схватить телефон с ковра.

Руки не слушаются. Она в ужасе. Как и я.

— Тебя, значит, Леш, тоже ждет развод? — спрашивает Марк и ослабляет галстук.

— Я детей с тобой не оставляю... — Алексей вновь переворачивается на спину и смотрит пустыми глазами в потолок. — Мразина...

— Вот это правильно, — соглашается Марк.

Ксения в страхе оглядывается. Она же, как и я, не думала, что ее женская наглость может привести к сломанным пальцам Алексея, разводу и лишению родительских прав.

— Я скажу им, чтобы они удалили видео, — Ксюша хватается телефон с ковра и не может удержать его в руках. — Скажу, что это монтаж... Что это шутка...

— Марк, если бы я знал... — Алексей стискивает себя за запястье, — я бы не позволил...

— Сначала ты женишься влюбленным дураком, — вздыхает Марк, — позволяешь многое, прощаешь... она же любимая... она же моя девочка, — усмехается, — ну, глупенькая чуток, но она же не со зла. Когда она тебя целует и строит умильную моську, ты все опять прощаешь, и опять терпишь, что-то упускаешь из внимания, а тебе на голову садятся.

Смотрит на меня:

— Шалости становятся наглостью, — прищуривается, — твои слова пропускают мимо ушей, потому что окончательно решили, что ты давно под каблуком. Улыбок все меньше, и больше криков, капризов, отказов. Претензий. Наглости все больше и больше. И больше она не жена, а королева, и все кругом — жалкие слуги.

Мои ресницы вновь вздрагивают и по щеке скатывается слеза ужаса.

Все эти сломанные пальцы, удары в челюсть были даже не для Алексея и моей подруги Ксении, а для меня.

Мой серьезный важный пупсик, как я называла Марка с кокетливым смехом, оказался слишком серьезным и важным дядей, потому что Алексей не особенно удивлен тому, что ему пальчики с хрустом пересчитали.

Да, он кричал, просил Марка остановиться, но в его воплях не было недоумения, шока или изумления, что его покровитель по бизнесу так озверел.

Марк для меня сейчас показал, насколько я тупая, насколько я слепая, насколько я в своей наглости и в ощущении своей неповторимости и особенности потерялась в реальности.

И поверила в тот бред, в который любят так верить все женщины: это я сделала из мужа человека.

За каждым успешным мужчиной стоит любовь женщины.

Ага, конечно. За спиной моего мужа стоит охрана. Вооруженные ребята, которые были приставлены и к нашим детям, как особенные гибриды мрачной няньки и водителя. И ко мне,

но немного амбала Ваньку я воспринимала как проявление ревности и любящего контроля со стороны Марка. Он же у меня “ревнуса”, а “ревнуси” не очень любят, когда их жены ходят одни по встречам с девочками, магазинам, маникюрам и педикюрам, а на йоге может быть слишком провокационный учитель-гуру.

Немой Ванька...

Господи, уж не Марк ли его таким сделал?

Нет, не надо настолько демонизировать моего мужа, которого я якобы слепила сама и которого я невероятно вдохновляла.

Была его музой. Ну да.

Если я его и вдохновляла на что, то это только на терпеливые вздохи, утомленные взгляды, недоуменные вопросы, что я опять придумала и сколько это стоит.

— Удали видео, — шепчет Ксюша в телефон, — это была неудачная шутка. Слышишь?

— Марк, я же всегда на твоей стороне... — хрипит Алексей. — Я тебе многим обязан...

И это я капала на мозги Марку, что надо помочь мужу Ксюши. Мужик-то толковый, и ему просто нужна поддержка, толчок. Ну, придется немного вложиться, но эти деньги вернутся.

— Не знал...

— Проваливай, — Марк похрустывает шеей. — И шмару свою заberi.

Алексей, прижав изуродованную руку к груди, неуклюже встает сначала на колени, а потом поднимается на ноги. Подходит, шаркая ногами, к Ксюше, и затем под ее визг дергает за локоть целой рукой и тащит прочь.

Ксюша спотыкается и мямлит:

— Прости меня... прости... я просто дура... Прости...

— Заткнись! — Алексей грубо и с ненавистью дергает героиню за собой.

Когда дверь за ними закрывается, Марк вновь смотрит на меня:

— Смотри-ка, умеешь молчать, — обнажает зубы в хищной и презрительной улыбке, — сидела, как мышка. Такая тихая, такая милая. Я даже не знал, что ты можешь быть такой. Глаза, как блюдца, — усмехается, — может... с разводом повременим? — его улыбка становится шире и опаснее, — и я просто займусь твоим перевоспитанием?

Меня начинает трясти. Мне в позвоночник будто резко выпустили через толстую иглу жидкий азот, который замораживает костный мозг.

— Возможно, я из тебя воспитаю правильную жену, ведь это ответственность мужа жену учить жизни?

Глава 9. Умоляй

Марк неторопливо закатывает левый рукав рубашки, оголяя напряженные жилистые предплечья.

Был он для меня “ревнусей”, “пусей” и даже иногда “малышом”, а стал незнакомым опасным мужиком, который может перевоспитать меня из тупой курицы с высоким самомнением в забитую тихую жену.

— Марк... — сипло шепчу я.

Ни в коем случае сейчас нельзя повышать на него голос. Он показал мне через сломанные пальцы Алексея, что очень и очень не в духе. Офигеть как не в духе, и если я хочу избежать “перевоспитания”, то надо уже сейчас показать, какая я испуганная милашка.

— Что, дорогая? — Марк закатывает правый рукав своей белоснежной рубашки и в ожидании косится на меня. — Я тебя внимательно слушаю.

Я аж замираю под его острым и холодным взглядом.

— Мы же цивилизованные люди... — сглатываю. — У тебя другая женщина...

Расстегивает пару пуговиц под воротом рубашки.

Когда он энергично и резко встает из глубокого кожаного кресла, я вся вздрагиваю и с трудом сдерживаю в себе желание заползти под бильярдный стол.

Мой Маркуша, которому я покупала глупые новогодние тапки с мордами плюшевых оленей, больше не похож на домашнего уютного мужа, который пьет по утрам кофе из пузатой кружки в форме толстого рыжего кота.

Да, кружку эту я тоже покупала. Она мне показалась забавной.

Господи, что же я за дура-то была, и я ведь приглядела еще один сомнительный подарочек любимому мужу.

Барабанная дробь... подушку-бревно на диван под поясницу. Прикольная такая, забавная.

Я сижу с круглыми глазами, а Марк шагает ко мне. Останавливается и смотрит сверху вниз.

— Если ты так жаждешь развода, моя милая, то... — он усмехается уголками губ, — умоляй.

Он не шутит.

У меня вздрагивают ресницы.

— Я же должен понять, насколько ты серьезна в своих намерениях, — его голос ровный, — женщины ведь такие нелогичные загадки, да? Она может говорить одно, но подразумевать другое. Нет — это да, а да — это нет, а мы, мужики, такие примитивные... Мы же все эти ваши игры не понимаем. Вот ты говоришь, что у меня другая женщина, но а вдруг это крик о твоей любви и желании остаться?

— Это не так... — шепчу я.

Улыбается, выдерживает паузу и прищуривается:

— Я не чувствую твоей искренности. Может, ты все-таки за то, чтобы наша семья сохранилась?

— Нет... Отпусти меня...

— Все еще не чувствую твоего искреннего желания нашего развода. Кажется, ты просто в очередной раз кокетничаешь.

— Марк, зачем ты так...

— Точно кокетничаешь, — его глаза недобро вспыхивают.

— Нет! — в отчаянии взвизгиваю я и прячу лицо в ладонях, — нет... господи... нет... остановись, прошу...

Я подбираю под себя ноги и переношу вес на колени.

— Прошу, — отрываю ладони от лица и поднимаю взгляд на Марка. Выпускаю новые слезы. Кожу щиплет от соли. — Я тебя боюсь... Я хочу развода... Прошу,пусти...

По телу вновь прокатывается сильная дрожь страха, когда он просовывает большой палец за пряжку ремня и расслабляет руку.

Он наслаждается моментом, и если я затаю свою мольбу о разводе и свободе, то он потребует от меня уже не слов.

Я должна быть жалкой, а не покорной и возбуждающей. Очень тонкая грань, и в случае если мой вздрагнувший голос зацепит его мужское начало, то он не пожалеет меня.

Заставит открыть рот не для жалобных слов.

— Умоляю, Марк, умоляю, — я больше не сдерживаю в себе жалкие громкие всхлипы, ручьи слез, потому что в них мое спасение.

Гордыня, дерзость и сопротивление спровоцируют Марка.

— Это же конец, Марк, — сквозь рыдания говорю я, — дай мне уйти... умоляю...

Его надо удержать в презрении и отвращении ко мне. Только тогда есть шанс вырваться из этого дома.

Он должен увидеть, что я уже сломлена, и что ломать во мне нечего. И учить покорности нет смысла, ведь я приняла его условия и жестокие правила.

— Страшно тебе, мышонок, — тихо и с угрозой говорит он и присаживается передо мной на корточки.

Обхватывает мои запястья и убирает мои руки с лица. Заглядывает с жуткой ухмылкой в глаза. Я позволяю себе громко и отвратительно шмыгнуть. Лучше так, чем потом давится похотью Марка, который не станет сдерживать себя.

— Страшно, значит, — мягко сжимает мою левую ладонь, затем разворачивает ее к себе внутренней стороной.

Задерживаю дыхание, когда он, вглядываясь в мои глаза, начинает мягко массировать мои пальцы начиная с запястья.

— Выдыхай, — он скалится в улыбке, — я женщинам пальчики не трогаю.

А у меня не получается выдохнуть. Я оцепенела в страхе.

Кладет мою ладонь на свою, а затем медленно ее поглаживает, не отрывая взгляда от моего лица:

— Значит, ты уяснила, что я не приветствую никаких скандалов?

Киваю. Хочу вытянуть мою руку из его руки, но он крепко сжимает ее, сердито нахмурившись, и я опять замираю.

Он касается моего безымянного пальца, и в следующее мгновение медленно, миллиметр за миллиметром, стягивает обручальное кольцо, продолжая всматриваться в мои глаза.

— Значит, обещаешь, что будешь умницей-бывшей?

— Да... я тебя поняла... — между лопаток от его низкого шепота бегут мурашки. — Я буду умницей-бывшей.

Стягивает кольцо с кончика пальца, задумчиво разглядывает его несколько секунд и поднимается на ноги.

Прячет кольцо в карман брюк и шагает к стеллажу с киями. Открывает стеклянную дверцу и коротко говорит:

— Свободна.

Глава 10. Не будь душой

— Дима, я тебя очень прошу, — разворачиваю сына к себе за плечи и заглядываю в его недовольные глаза, — поехали со мной. Тебе тут нельзя оставаться.

Может быть, я зря сейчас пытаюсь сына уговорить поехать со мной, потому что я нарушаю правила “хорошей почти бывшей жены”, но разве я могу оставить мальчика с таким психованным уродом?

— Дима...

— Мам, отстань, — отмахивается от меня.

Встает с кровати с планшетом и садится за стол, буркнув:

— Я же сказал, что я никуда не поеду.

— Ты его боишься, да? — шепотом спрашиваю я. — Боишься? — тяну к нему руку. — Милый, мы что-нибудь придумаем. Слышишь? И он согласен тебя отпустить, если ты сам примешь такое решение.

— Ты меня не слышала? — поднимает на меня колючий взгляд. — Я остаюсь с папой.

— С ним быть опасно...

Дима вскидывает бровь и смотрит на меня, как на дуру, и меня опять начинает трясти, но уже не от страха, а от обиды.

— Ты же видел, он меня... ударил... он не в себе.

— Ты достала орать, — Дима кривится. — Он тебя просил не кричать. Несколько раз, мам.

— Ты не понимаешь...

— У тебя даже щека не покраснела, — Дима откладывает планшет.

Разминает плечи, а потом, глядя мне прямо в глаза, сам себя бьет по правой щеке, которая незамедлительно краснеет.

Скрещивает руки на груди:

— Как-то так, мам.

— Ты зачем себя ударил? — в растерянности шепчу я.

Глупый вопрос, ведь я прекрасно поняла, что хотел мне донести сын: Марк дал мне слабую пощечину, а я, дура и истеричка, зря развожу трагедию. Щека же не покраснела.

— Дело не в силе, а в унижении, — пытаюсь оправдаться. — Так нельзя.

— Как и кричать, — Дима пожимает плечами, — обзывать. Что, мам? У меня, знаешь, тоже есть в классе такая же истеричка, которая прыгает на пацанов, обзывается и считает, что раз она девка тупая, то ей можно раскрывать свою хлебoreзку без повода.

Я медленно моргаю.

Мой маленький медвежонок говорит какие-то жуткие вещи.

— И в каждом классе есть такая дура, — хмыкает Дима. — И как ни проси, как ни говори... Пофигу. Она девочка и ей можно хамить, да?

Кажется, у моего сына в классе есть явные проблемы с какой-то девочкой, и в ситуации со мной и Марком он увидел именно свое раздражение на агрессию одноклассницы.

— И знаешь, пока Васек не втащил ей, эта Алена не успокоилась, — Дима щурится на меня. — Дал ей оплеуху за педика, и что ты думаешь?

Вероятно, девочка, заткнулась и перестала практиковаться в оскорблениях в сторону одноклассников.

— А надо было терпеть? — Дима вскидывает бровь выше. — Терпеть, когда тебя словесно опускают? Когда унижают? Когда чувствуют свою безнаказанность?

Вот с кем меня сравнивает сын.

С обнаглевшей одноклассницей, которая решила, что ей можно говорить всякую чушь, потому что она — девочка? Потому что она особенная?

— Милый... я... но ведь папа меня обидел, — шепчу я. — У него другая женщина... Он меня предал...

— Но ты была все равно истеричкой, — хмыкает Дима. — Это было стремно, мам. Прямо стремно.

Отворачивается от меня вместе со стулом и опять ныряет в планшет, зло выдвинув вперед нижнюю челюсть.

— Да сколько можно в этом планшете сидеть! — я не замечаю, как вспыхиваю гневом, и как встаю на ноги.

Я подхожу к сыну, вырываю из его рук планшет и кидаю на пол:

— Ты немедленно соберешь свои вещи и поедешь со мной! Тут опасно! Как ты не понимаешь! Он — бандит! И охранник с тобой в школу катается не просто так!

Дима опять смотрит на меня, как на дуру. Нет, как на идиотку с серьезной умственной отсталостью. Медленно моргает, и его брови ползут на лоб от недоуменной растерянности.

Он совершенно не знает, как быть сейчас с испуганной мамой-дурочкой, которая открыла для себя ужасающую правду о муже.

— Он дяде Леше пальцы сломал, — я предпринимаю последнюю попытку вразумить сына. — Я все видела... слышала... Дима, так нельзя. За это садят в тюрьму.

Брови сына ползут выше. Он не согласен со мной.

— Помнишь, к нам в гости приезжал такой пузатый дядька с усами, — Дима вздыхает. — он представился Денисом Ивановичем и...

— Генерал-майор... — сиплю отвечаю. — Он представился еще по званию...

У меня руки слабеют, и я их почти не чувствую. Я тогда подумала, что этот странный Денис Иванович пошутил о том, что он генерал-майор. Он представился мне со смехом, подмигиванием и какой-то детской беззаботностью, в которой я совсем не учуяла высший полицейский чин.

Он и Марк сыграли за закрытыми дверями в бильярд, потом попарились в бане, пожарили шашлыки, а после... пьяненькие и довольные распрощались, как давние друзья.

Я тогда спросила Марка, а зачем приехал "генерал-майор", и он ответил:

— Да так, просто расслабиться, — чмокнул пьяно в макушку, — поболтать, обсудить дела.

И я решила, что это один из возможных партнеров, инвесторов или будущий акционер одного из новых проектов. Тогда у Марка был план новую компанию по перепродаже строительных материалов создать, и меня ничего не напрягло. Он вел свои мужицкие дела.

— Ага, генерал-майор, — кивает Дима, — я с папой ездил к нему на стрельбище.

— Что? — в тихом шоке говорю я.

— Я останусь с папой, — Дима не отводит взгляда, — я — его сын, и буду рядом. Я — его наследник.

— Милый... — я готова плакать.

— И, мам, если ты хочешь, чтобы мы с тобой виделись, то не прыгай на папу, — его глаза становятся серьезными, как у его отца, — и не будь дурой.

Глава 11. Повтори

— В смысле ты ко мне собралась переезжать? — охает мама в трубке. — Оля, я же сейчас в санатории... С Галочкой. Ты забыла?

Моей маме семьдесят, ее подруге Галочке — семьдесят три, и они с ней после смерти своих мужей очень сдружились. То на лавочках сидят и сплетничают о соседях, то вместе устраивают забеги по магазинам в поисках скидок, то в санаторий вот приехали по акции одного из пенсионных клубов города.

— И ты о разводе с Маркушей шутишь, что ли?

Я стою на крыльце.

Внизу у лестницы куча коробок, несколько огромных чемоданов, на которые скинули мои шубки в тонких тканевых чехлах.

Возле моего барахла скучает немой Ваня. К дому на главную дорогу, что ведет к воротам за березовой чащей, выезжает черный пикап. На этом пикапе обычно по территории катается наш садовник.

— Нет, мам, я не шучу, — говорю я. — Мы с Марком разводимся.

— И он тебя выгоняет?!

— Я сама уезжаю, — понижаю голос до шепота, — мам, он — бандит.

Немой Ваня оглядывается на бандита. Чешет бритый затылок и, озадаченно приподняв брови, вновь смотрит на пикап в ожидании.

Похоже, Ваня удивлен моей реакцией. Ну да, это же надо: жена босса не знала, что он — бандит.

Вот уж бабы-дуры.

— Не говори глупостей, — фыркает мама.

— Он пальцы мужу Ксюши сломал.

— Этот Леша мне никогда не нравился, — опять фыркает мама, — и Ксюша тоже. Я же тебе не раз говорила, что она змеюка, что тебе не надо с ней дружить? Говорила?

Я вскрикиваю, когда кто-то со спины ловко и резко выхватывает из моей ладони телефон.

Во вспышке паники я оглядываюсь, заваливаюсь и чуть не падаю на лестницу, но Марк, который у меня и вырвал телефон, хватает меня за запястье свободной рукой, дергает на себя и не позволяет красиво разбиться на мраморных ступенях.

— Не трогай меня! — верещу я и отскакиваю от Марка, обняв себя за плечи.

Слышу, как из трубки раздается громкий и взволнованный голос мамы:

— Оля? Оля! Оля!

— Ты зачем мать лишний раз пугаешь? — Марк окидывает меня насмешливым взглядом. — Надо бы тебе нервы подлечить.

Немой Ваня оборачивается. Пикап подъезжает, тормозит и из него энергично выскакивает Стас. Он — из нашей “домашней” охраны.

— Грузим, босс?

Марк кивает и прикладывает телефон к уху:

— Тамара Васильевна, здравствуйте, да жива она, жива, — мягко смеется, пристально глядя мне в глаза, — просто нервная после гостей. Да, разводимся.

Замолкает. До меня доносятся обрывки фраз:

— Как же так?... Поссорились?... Это она свою подружку послушала?... дурацкий клуб... бабищ своих тупорылых вокруг собрала... Выгнал?... Куда же она?..

— Я Оленьке предложил побороться за семью, за брак, — обнажает зубы в хищной улыбке, — но она отказалась. Видимо, мы других учим, а сами не видим ценности в семье.

— Маркуша... милый... ну, она у меня любит драматизировать... это она так внимания твоего добивается...

— Думаете? — в глазах Марка пробегают темная и недобрая тень.

— Мы же женщины такие... Куда ж она без тебя? Ну и рубеж у вас сейчас в браке важный и сложный. Какой развод, Маркуша?

— Оленька что-то совсем не хочет стараться, — Марк со лживой усталостью вздыхает. — В общем, я ее к вам отправляю, раз не хочет быть хорошей женой.

— Маркуша, я в санатории, — повторяет мама, — и я квартиру заперла и ключи с собой забрала. Даже соседке не оставила.

— Ничего, тамара Васильевна, дверку мои ребята вскроют и поменяют, — Марк улыбается шире, а у меня дрожь в теле становится сильнее. — Это не проблема. Хорошо, что предупредили.

Сбрасывает звонок и обращается к Ване, который несет одну из коробок к пикапу:

— У бабулениции надо еще дверь вскрыть, — голос становится жестким и ледяным. — Ключики заныкала, старая карга.

Телефон в руке Марка коротко вибрирует. Смотрит на экран и презрительно хмыкает:

— Надо же, оказывается, один дубликат ключей она оставила у соседки со второго этажа из сто шестнадцатой квартиры, — поднимает на меня взгляд и недобро прищуривается. — О чем с Димой беседовала?

Сейчас надо быть честной. ему солгала моя мама, поэтому сейчас от меня вранья он не потерпит:

— Просила, чтобы он со мной уехал из этого дома... Потому что с тобой опасно... И о том, что ты меня унизили и напугал...

Цыкает и делает ко мне два быстрых резких шага. Я не успеваю отступить. Он Вскидывает в мою сторону руку, обхватывает ладонью заднюю часть шеи повыше загривка, не позволяя мне отшатнуться. Мягким рывком привлекает к себе и прижимается своим лбом к моему, угрюмо вглядываясь в глаза:

— В этот раз прощаю, но не вздумай даже пытаться настраивать моего сына против меня. Хорошие девочки так не поступают.

У меня опять кишки завязываются в тугой узел от его хриплого тембра. Улыбается одними уголками губ:

— Повтори.

Глава 12. В монастырь пойдешь?

Ладонь Марка — горячая, а в его выдохах чувствую терпкий солод. Зрачки немного расширены.

Я должна повторить. Я должна выполнить приказ Марка, но язык присох к небу, а легкие оплел тонкие черные нити страха.

— Ты меня слышала?

Я киваю и опять замираю, как испуганный кролик в когтистых лапах голодного тигра. Господи, какая же я дура. Зачем в последних моих встречах с девочками позволила себе опустить Марка тупого никчемного мужика, который без меня бы ничего не добился.

Спился бы.

Или работал в офисе менеджером-младшего звена.

Или с мамой жил.

Но на его пути встретила я. Умница, красавица и его муза, которая правильно подала себя, и если я сейчас оставлю своего мужа-решалу, то вся его империя рухнет и он потеряет все.

Зачем я все это говорила?

Ну... В какой-то момент женщины в браке наглеют. Муж в оленьих тапочках теряет для них авторитет, одолевает скука, для детей ты перестаешь быть примером для подражания, для мужа ты стала привычной дурочкой, болтовню которой он не слушает, а так хочется быть особенной.

Так хочется быть важной.

Так хочется, чтобы тебя слушали с открытым ртом и завидовали.

Так хочется развеять тоску, которая стала в последний год постоянной молчаливой спутницей.

Вот я и разошлась.

Начинала с маленьких и невинных поучений, а потом перешла на целые лекции о роли женщины в жизни мужчины.

И я не стеснялась в выражениях.

Кроме того, что женщины очень хотят стать музами для всяких богатых решал, они очень не любят мужчин, и им нравится, когда противоположный пол низводят до каких-то приматов, насекомых, тупых болванчиков. На этом, в принципе, строится любые разговоры женских коучей.

Женщину — возвысить, мужика — принизить. Очень простое и рабочее уравнение, и я не я его придумала.

— Хоро...шие... — я все-таки разлепляю губы.

— Продолжай, — хрипло и низко говорит Марк и немного прищуривается.

— Хорошие девочки так не поступают, — медленно и сипло проговариваю я и замолкаю.

Честно, то я готова сейчас, как трусливая собака лечь на спину, и показать пузико в знак своей покорности, потому что у меня в ушах до сих пор стоит мерзкий влажный хруст пальцев Леши.

— Трясешься, как зайчик, — скалится в какой-то маньячной улыбке. Его лоб все еще касается моего. — Прелесть, какая ты дурочка, Оль. Столько лет прожить со мной и сейчас делать круглые глаза.

— Ты все скрывал...

— Что я скрывал?

— Что ты бандит.

— Мне не нравится это слово, — Марк щурится. — Я прежде всего бизнесмен, Оля.

Я не буду спорить.

У меня другая цель. Не воззвать к совести Марка, а унести ноги, пока это возможно. И не просто унести ноги.

Марк обзан потерять ко мне интерес. Я должна быть жалкой, разбитой, испуганной и сломленной.

Уж в тот тезис о том, что успешные мужики, по своей сути, охотники и Альфы, я верю на сто процентов, поэтому мне нельзя сейчас провоцировать Марка на желание заставить, продать и сожрать меня.

Марк убирает с моей шеи руку и отступает, оценивающе окинув меня взглядом, а после со вздохом садится на первую ступеньку крыльца:

— Так, поживешь пока у матери, — разминает плечи, — пока я подыскиваю тебе местечко в каком-нибудь женском храме.

Я молча распахиваю глаза и в ужасе смотрю на коротко стриженный затылок Марка. Он же шутит, да?

— Вань, это у Пузанчика жену закатали в женский монастырь?

Ваня кивает, подхватывает коробку и невозмутимо шагает к пикапу. Кто такой Пузанчик?

— Там и померла, да?

Ваня опять кивает. Марк оглядывается на меня:

— Научишься настоящему смирению.

— Марк... — шепчу.

— Это шутка была, Оль.

Я издаю нервный смешок.

— Но в каждой шутке, только доля шутки, — Марк усмехается. — Просто знай, что сценариев для того, чтобы воспитать женщину, масса.

Я киваю и прячу руки за спину. Отвлекаюсь на черную хищную машину, что показывается на подъездной дороге. Сердце дергается от нехорошего предчувствия.

Авто медленно тормозит у пикапа.

На улицу выскакивает наш водитель Кеша. Обходит машину, распахивает боковую заднюю дверцу и из салона выныривает... та самая мразь, с которой Ксюша сняла Марка на видео.

— Милый... — испуганно воркует Фаина и делает нерешительный шаг к крыльцу, на ступенях которого лениво расселся Марк, — что случилось?

Глава 13. Побеседуем?

Вот она какая Фаина в жизни.

Красавица. Густые волосы ниже плеч, румяное лицо, пухлые губы и большая упругая грудь. Про таких говорят — сочная женщина, которую есть за что схватить, память и есть куда зарыться лицом.

Я не совсем уж плоскодонка, но чувствую себя одновременно старой доской и бледной молью.

Как же ошибалась на своих женских лекциях, когда говорила, что мужчины обычно западают на один типаж: жена и любовницы часто похожи.

Ничего подобного.

Фаина — моя полная противоположность. В моей внешности много деликатности, интеллигентности, сдержанности и аристократизма, а тут... сочная вызывающая шлюха, на которую даже монах в celibate оглянется и засомневается в своем решении отказаться от женщин.

Если честно, то меня вульгарная красота Фаины сбивает с толка, бьет наотмашь по моему женскому эго и плюет в душу. Я годами создавала себя, свой утонченный и изысканный стиль, в котором я учитывала даже полутона при покраске волос, а у моего мужа любовница будто вышла из порнофильма.

Губастая, сисястая, сочная... А еще одета довольно неприлично: майка с глубоким вырезом, поверх кожаная курточка и черные узкие джинсы с полусапожками на высоких каблуках.

Стою и недоумеваю в ярости.

Как он мог? Он и правда примитивный бандюган, в постели с которым должна просыпаться грудастая похотливая шваль.

Так... я должна держать себя в руках, а иначе я же сейчас под вспышкой агрессии позорно кинусь на Фаину в желании если не красотой ее уделать, то хотя бы кулаками.

Не могу перестать смотреть на нее в немой ярости, а она же кидает на меня беглый обеспокоенный взгляд, но я все же успеваю заметить, что эта стерва тоже сейчас меня оценивает, и я проигрываю.

Заплаканная, без макияжа, всклокоченная...

В моем возрасте непростительно так выглядеть, особенно в момент встречи с любовницей мужа.

Других теток, значит, учила, что женщины должны быть всегда на высоте, даже если начинается конец света, а сама позволила себе быть старой бледной и жалкой молью с красными глазами.

Какое позорище.

Я должна была предугадать, что Марк в наказание за то, что я сыграла перед ним отвратительную мерзко шмыгающую бабищу в бильярдной, пригласит свою цветущую красавицу.

Щелкнет меня по носу.

Раз не ты будешь за меня бороться языком и губами, то это сделает Фаина, которая опять с очаровательным благоговением смотрит на него:

— Зачем я тут, Марк?

— Моя жена сегодня узнала о твоём существовании, — лениво отвечает Марк.

— Это не я... — вот сейчас Фаина, кажется, пугается реально. Делает очередной нерешительный шаг, чтобы показать ему свою уязвимость, но не трусость, — я бы так не поступила...

— Я знаю, — Марк милостиво кивает, — ты не настолько глупая. Ты прекрасно знаешь, что я люблю хороших девочек.

Хмыкает, а Фаина напрягается сильнее.

Вероятно, она не только хорошая девочка, но и умная: она понимает, что сейчас пусть Марк и говорить тихо и ласково, но он в лютой ярости.

Я вот поняла его гнев лишь после того, как он Лешины пальцы пересчитал.

— Моя жена задалась вопросом, кто ты, — Марк пожимает плечами. — Решил утолить ее любопытство.

Это очередная проверка от Марка?

Начну ерничать, психовать и истерить, то он покажет мне, где раки... жены плохие зимуют?

Мы вновь с Фаиной смотрим друг на друга, как две напряженные и настороженные кошки. Марк точно не одобрит бабские разборки.

— Так, девочки, — Марк вздыхает и похлопывает ладонями по ступени, на которой сидит, с двух сторон, — идите сюда, побеседуем.

Сглатываю.

Я не в том положении, чтобы сейчас послать Марка в пешее эротическое и гордо уйти. Мужик не в себе. Он меня в случае моего неповиновения вернет и начнет лепить из меня “правильную” и “послушную” жену.

Теперь ему не надо играть хорошего и приличного мужа. Я теперь знаю, что он бандит, и видела его жестокость к другому человеку.

И сдерживаться со мной он будет, если я возьму под контроль свою женскую и истеричную сторону.

Только так.

Я судорожно выдыхаю, когда Фаина торопливо поднимается к нему и садится по левую сторону на мраморную ступень.

— Оля, — говорит Марк, глядя перед собой сосредоточенно и грозно. Похлопывает по полированному мрамору с правой стороны. — Присаживайся. На несколько минут тебя еще задержу.

Глава 14. Огорчила

Я сажусь по другую сторону от Марка, аккуратно приглаживая на попе юбку. Плотно и крепко сажу колени, который затем обхватываю руками.

Это какой-то ужас.

В наш дом заявила любовница Марка, а я не могу на нее закричать, не могу устроить скандал, не могу посуду побить, не могу разрыдаться.

Ничего не могу.

Потому что я пообещала мужу-бандиту быть хорошей девочкой.

— Мы разводимся, — Марк обращается к притихшей Фаине.

Громких восторгов не слышу.

Фаина молчит и внимательно слушает Марка. Кажется, даже затаила дыхание.

— Собственно из-за этого я немного не в духе...

Фаина медленно и понятиливо кивает, а я не шевелюсь.

— Процесс этот долгий, неприятный, энергозатратный, и я надеюсь, девочки, — теперь Марк смотрит на меня, — вы не устроите между собой грызню и попытки доказать, кто из вас Альфа-самка, — переводит серьезный взгляд на Фаину, — без сюрпризов. Без всех этих бабских разборок и скандалов за моей спиной.

— Конечно, милый...

— Постеснялась бы, — цежу я сквозь зубы.

Вот черт. Я сказала это вслух? Я не смогла задавить в себе ревность после ласкового слова «милый»?

Марк медленно разворачивается ко мне вполоборота и с тихой угрозой заявляет:

— Именно об этом я и говорю, Оленька. Я такого не одобряю.

Теперь я боюсь дышать под его строгим и недовольным взглядом Марка, который будто пытается сейчас прочесть мои мысли.

— Марк мне сложно... — сглатываю я. Сейчас я должна отступить, преклонить голову и показать свою отчаянную женскую покорность.

Сама дура виновата, могла же промолчать. Это ради моего же спасения, ради моего будущего без Марка и его измен, за которые он совершенно не чувствует вины.

Именно об этой обманчивой покорности я говорила и моим девочкам. В ссоре с мужчиной надо показать себя слабой испуганной малышкой, которая не пытается в ссоре доказать свою силу, власть и обиду.

И важно вовремя пустить слезу.

Но...

У меня сейчас не выходить заплакать, потому что по другую сторону от Марка сидит его любовница.

Я слышу, как тяжело и прерывисто дышу, но слез нет, и я боюсь, что Марк сейчас не поверит в мой страх.

— Я знаю, женщины любят устраивать суету, — он сверлит взглядом мой висок, — но вы будете умнее. Да, сложно, особенно для тебя, — он обхватывает мое запястье и медленно отрывает мою руку от колена, в которые я крепко-крепко вцепилась.

Держит меня за ладонь, а я продолжаю смотреть перед собой не в силах моргнуть.

— Не надо разносить грязь обо мне, о Фаине, о нашем разводе своим подружкам, — сжимает мою ладонь. — Посмотри на меня.

На выдохе я поворачиваю лицо к Марку, который с обманчивой мягкостью улыбается:

— Ты меня поняла?

— Поняла, — сдавленно отвечаю я и для убедительности коротко и быстро киваю.

Поджимаю губы на несколько секунд, а после я задаю вопрос, который сам из меня вырывается:

— Она останется тут?

Да боже мой! Какое мне дело? Зачем я веду разговоры с тем, кто может из-за личного каприза запереть меня в подвале или даже посадить на цепь?

— Назови ее по имени, — Марк прищуривается.

— Фаина останется тут? — сипло спрашиваю я.

— А ты против?

— Нет, — лгу я и по телу прокатывается болезненная дрожь напряжения. — Не против. Я же... теперь не жена.

— Верно, — отпускает мою руку. — Тогда беги, Оля.

Я торопливо встаю. Когда спускаюсь по ступенькам, чуть не падаю, но вовремя хватаюсь за массивные перила.

Оглядываюсь на Марка, к которому прижалась молчаливая Фаина, и вспоминаю свои глупые и громкие слова о том, что умная женщина никогда не допустит того, чтобы у мужа появилась любовница, а если такое случилось, то надо шмару отвадить.

Надо бороться за своего мужа.

— Марк...

— Что?

— Я беспокоюсь о нашем сыне, — тихо говорю я. — Я не хочу его потерять.

— Я тебе уже сказал, — Марк хмурится, — все в твоих руках. Все зависит от того, как ты себя поведешь.

Делаю выдох и бегу к машине, боковую дверцу которой услужливо распахнул водитель.

Я должна спасти свою жопу.

— Оленька.

Замираю у распахнутой дверцы.

— Я на днях к тебе загляну. Ты как раз подуспокоишься, — вздыхает Марк, — надеюсь, ты меня встретишь иначе, чем сегодня. Ты меня сегодня сильно огорчила.

Глава 15. Привет

— Что ты молчишь?

Марк навис надо мной, привалившись поднятой рукой к косяку. Щурится, а у меня сердце прыгает то к глотке, то обратно падает в пятки.

Обещал проверить меня? Угрозу свою исполнил.

Эти двое суток прошли у меня в страхе и слезах, а ночами я просыпалась от хруста пальцев и тихого смеха Марка, который мне чудился в темноте.

— Поздороваться не забыла?

Я за два дня то ли отвыкла от Марка, то ли у меня психика прожила резкую метаморфозу за это короткое время, но сейчас я вижу Марка реально чужим мужчиной.

Опасным и с очень жестокими глазами.

— При... вет...

Его объятия и ласковые чмоки в щеки по утрам, которые пахли крепким кофе и ванилью, будто стали галлюцинациями и бредом сумасшедшей меня.

Мне все это привиделось.

— Ну, как ты? — он с раздраженным вздохом отодвигает меня в сторону одной рукой и переступает за порог.

Молча наблюдаю за тем, как он деловито стягивает пиджак и накидывает его не крючок вешалки, а затем заглядывает в зеркало и медленно приглаживает волосы, поглядывая на меня через отражение:

— Я тебе задал вопрос.

— Нормально, — торопливо отвечаю и прячу руки за спину.

За эти два дня я несколько раз звонила нашему сыну. Мне за это прилетит? Но я же... все-таки мама, и да имею право на звонки и на вопросы, все ли хорошо с моим мальчиком.

Дима мне отвечал холодно и отстраненно “все хорошо, мам” и сбрасывал звонок. Наверное, он злится на меня, что я ушла, бросила его и допустила, что в наш дом пришла любовница отца.

Ведь если бы я не сбежала и согласилась на предложение Марка “спасти” семью, то он бы не позвонил Фаине и показал бы мне, что на мое место придет другая женщина.

А осталась ли Фаина в нашем доме?

Я не осмелилась Диме задать этот вопрос, потому что Марк не одобрил бы моего женского любопытства: раз ушла, то больше не суй свой нос в мою жизнь.

А если Фаина осталась, то... Марк спал с ней в нашей кровати? Позволил ли этой губастой прошманде голову свою наглую и тупую положить на мою ортопедическую подушку?

Подушку-то я свою не забрала, и поэтому у меня сейчас шея болит.

Марк будто почувствовав мой гнев, разворачивается ко мне и вскидывает бровь, а я резко и виновато опускаю взгляд.

— Подружкам своим звонила, жаловалась? — Марк делает ко мне шаг.

— Нет.

— А они тебе звонили? Тебе же обязательно вечерами кто-нибудь из них да трезвонит со своими вопросами о своей личной жизни и неудачных свиданках.

Я молчу.

Да, сама я не звонила, но мне звонили. И да, опять с новой порцией нытья, что не везет с мужиками и что срочно нужен мой совет. Как и где найти того самого принца?

— Оля, — раздраженно тянет Марк, напоминая о своем существовании.

— Звонили... — виновато шепчу я и признаюсь, затаив дыхание, — и я расплакалась...

— Опять? — Марк подходит ко мне вплотную и поднимает лицо за подбородок. Заглядывает в глаза.

— Но я ни о чем не жаловалась, — сиплю я и сердце замирает, когда Марк прищуривается, — я сказала, что... я не настроена на разговоры... и сбросила звонок...

А после я около часа была в подушку.

Не могу ни у кого ни помощи попросить, ни поддержки. Обычно женщины после измен мужа собирают ведьминский шабаш, устраивают ночь караоке с песнями Меладзе и Алегровой, рыдают всей толпой и коллективно топят козла-именщика в речах ненависти и оскорблений, а я... я лишена этого, потому что мой супруг потребовал, чтобы я была хорошей девочкой.

— Когда у тебя встреча с твоими курицами по расписанию, — Марк сжимает мой подбородок крепче, опять напоминая о своем присутствии. — Когда главная курочка заглянет к остальным квочкам?

— Если я курица, то ты тогда кто? — говорю я, не осознавая своего вопроса.

Меня спасает звонок в дверь. Марк не успевает переварить мой наглый и ехидный вопрос и отвлекается на мужской голос за дверью:

— Оль! Олька!

Марк медленно поворачивает лицо к двери. Подбородок мой он так и не отпустил. Держит в стальной хватке. Профиль резкий, хищный и угрюмый.

— Да, ладно, Олюшка, — гость за дверью не унимается. — Это Коля, — самодовольный смех, — помнишь такого? Ну, конечно, помнишь. Май, ты и я...

Нет, господи, нет!

— Уходи, Коля! — рявкаю я. — Прова...

Марк зажимает мне рот и вглядывается в мои глаза:

— А что это ты так разволновалась? — шепчет.

Меня начинает трясти.

— Ты все-таки там? — Николай смеется. — Открывай поболтаем, Если ты вернулась к матери, то... тоже жизнь не сложилась.

— Ты откроешь дверь, — Марк прижимает сухую теплую ладонь к моим губам сильнее, — и мы все дружно поболтаем. Май, ты и он?

Глава 16. Милая лгунья

Любой мужчина хочет себе в загребушие лапищи нетронутую девственницу. Даже самый неудачник мечтает о той распрекрасной невинной деве, которая отдаст себя только ему.

Я-то, конечно, была девственницей, когда отдалась Марку, но потрогать меня успели. В одиннадцатом классе случился мой первый поцелуй с тем самым Николаем, который решили прийти в гости и вспомнить прошлое.

Поцелуй этот был невнятный, неумелый и слюнявый, будто два щенка-подростка решили полизать друг друга.

Бррр.

Когда я начала встречаться с дерзким, диким Марком, который называл меня “моя малышка”, то я...

Уже тогда была душой, которая решила, что она самая умная и самая хитренькая. Да, я и в восемнадцать лет решила, что главное оружие женщины с мужчиной — милая и невинная ложь.

Дура. Боже, какая дура.

Я очень долго отказывала Марку в глубоких “взрослых” поцелуях, потому что я разыгрывала перед ним комедию “нетронутая невинная и невероятно наивная девочка”, которая очень боится языка во рту.

Я ему лгала.

Я его убедила, что я никогда ни разу не целовалась, и еще шутила, что поцелуйчики в щечку в детском саду не считаются.

Хи-хи, елки палки, хи-хи.

Сейчас мы с Колей “похихикаем” от души.

— Марк, прошу... — сипло говорю я, когда он убирает ладонь с моего лица, — ты пришел ко мне... я тебе чай налью... И хочешь, кексиков спеку?

— Открывай.

Пронизывает холодным черным взглядом до самых костей

Это, конечно, несусветная глупость бояться своего первого поцелуя, который был больше тридцати лет назад, но... я солгала Марку и что-то мне подсказывает: для него ложь не оправдать временем.

И я же это лжи всегда подыгрывала, когда Марк самодовольно шутил, что влюбился в меня за то, что я была другой. Той, которая от нашего первого поцелуя чуть не грохнулась в обморок от страха.

— Марк...

Я не хочу, чтобы Коле ломали пальцы.

Или выворачивали руки.

Или отрезали язык, который он однажды посмел засунуть в мой рот, а Марк на такое способен.

За мою многолетнюю и наивную ложь о первом поцелуе с ним он может меня жестоко наказать, потому что это очередное доказательство того, что я — лживая мразь.

— Открывай, — Марк за плечи разворачивает меня к двери и толкает в спину. — Смелее, Оленька.

Сам он встает у вешалки. Когда открою дверь, то Николай не увидит его и не поймет о засаде.

Сглатываю.

Ладони вспотели.

Я судорожно пытаюсь понять, как спасти Колю от агрессии Марка и себя от жуткого зрелища с кровью и отрезанным языком.

Я тогда точно в дурку попаду.

Щелкаю замком, обхватываю холодную металлическую ручку пальцами и на выдохе открываю дверь, петли которой тихо и зловеще поскрипывают.

— Ты, что, одевалась? Так долго открывала дверь?

Я одними губами говорю, чтобы Коля закрыл рот и уходил, но пузатенький и лысенький Коля, в котором с большим трудом можно узнать того слюнявого пацана, хмыкает и бесцеремонно заходит в квартиру:

— Когда ты приехала, я курил на балконе, а потом мать подтвердила, что это ты у соседки ключи забирала.

Я думаю, что все мамины соседи видели мой позорный приезд, и уже несколько раз обсудили возможные причины моего возвращения под крылышко мамулечки, которая любила хвастаться мной и любимым зятем Маркушей.

Мы были идеальными во всем по ее рассказам, и, наверное, лично меня ненавидели все здешние старухи, которым не так повезло с зятьями.

Он разворачивается ко мне, и Марк в этот момент захлопывает дверь с тихим щелчком.

Смотрю на Колю, не моргая. Постарел он, конечно, некрасиво. Обрюзг, лицо круглое съехало вниз, брыли появились.

Еще и эта майка уродская, которая обтягивает его живот и подчеркивает его слабые руки. Он похож на постаревшего телепузика.

Он обречен.

Он не сможет отбиться от Марка, который разочарованно прищелкивает языком о верхние зубы.

— Так ты не одна, — голос Коли садится до сиплого поскрипывания.

— А ты пришел в надежде, что от несчастной разведенки перепадет ее вареник? — хмыкает Марк и выходит вперед одним широким и бесшумным шагом. — Что рожа-то так скисла, Коля?

Глава 17. Ты лгала мне, Оленька?

Надо спасти Колю.

Я не то, чтобы была в него влюблена в прошлом или сейчас сильно рада его видеть, но я не хочу насилия в его сторону от Марка.

— Я, пожалуй, пойду, — Коля делает шаг к двери, но ему дорогу преграждает Марк.

— А зачем ты приходил, Николаша?

— Я...ну...я...

Николай теряется от строгого вопроса Марка и пытается придумать ту ложь, которая успокоит Марка, который весь пышет флюидами агрессии и тестостерона.

— И, вообще, Коля ты кто такой?

Коля косится на меня, и к страху за его пятидесятилетнее пузо, примешивается жалость и брезгливость.

Он испуган и ждет, что я кинусь на его защиту.

— Сосед, — тихо отзываюсь я, — и мы в одной школе учились, Марк. В разных классах. Я в “А”, а он в “Б”...

Господи, как это было давно.

— С этим разобрались, — Марк делает еще один шаг к Коле, — но зачем ты пришел?

— Поздороваться... узнать, как дела... Узнать, не нужна ли помощь...

— И, видимо, поговорить о прошлом, да?

— Слушай, мужик, я проблем не хочу... Я понял, я зря пришел...

— Марк, — я опять подаю голос, — он зашел из вежливости. Для соседей это нормально.

Я вскрикиваю, когда Марк ловким движением дергает на себя Колю за запястье, а после заламывает его руку за спину и вжимает пузом и лицом к стене.

— Марк! Прекрати! Я тебя очень прошу!

Я, наконец, до конца осознаю, что Марк — опасный человек. Не просто так с ним многие всегда говорили тихо, почти полупшепотом и старались в глаза лишний не смотреть.

Я думала, что он внушает всем уважение, как очень серьезный и важный мужик, но это был страх и осторожность.

— Не поделишься со мной, про тот май, тебя и мою жену? — Марк рычит на ухо Николаю, который покраснел от испуга и тяжело дышит.

— Марк, это было до тебя! — взвизгиваю я. — До тебя!

— Что именно?! — в ярости оглядывается на меня.

— Мы поцеловались! — верещу я и сама приваливаюсь к стене под волной паники и слабости. — Это был мой первый поцелуй! Это было в конце одиннадцатого класса!

Все. Признание я выкрикнула.

Марк отшвыривает Колю к двери и медленно разворачивается ко мне, а затем напряженно поправляет галстук под воротом рубашки:

— Вот как?

— Мужик... Это же было больше тридцати лет назад... — хрипит Коля.

И даже я, далеко не самая умная женщина, понимаю, что сейчас ему стоило помолчать.

Марк возвращается к Коле. Наклоняется и хищно улыбается:

— Видимо, поцелуйчик в душу запал, раз ты о нем столько лет помнишь.

Коля не успевает ничего ответить. Марк четко и резко бьет его кулаком в нос, и закрываю лицо руками.

Сломанный нос хрустит иначе, чем пальцы. В нем больше влажности и глубины. Отвратительно.

Я всхлипываю, а Коля нечленораздельно вскрикивает, а после с мычанием, прижав ладонь к окровавленному лицу ложится на коврик.

— Значит, первый поцелуй, — Марк вновь подходит ко мне.

Я вздрагиваю, когда он обхватывает пальцами мои запястья и тянет руки вниз. Смотрю на него широко раскрытыми глазами.

Я уже и не плачу, потому что слезы совершенно бессмысленны сейчас.

— Ты же говорила мне, что первый поцелуй был моим, — голос у Марк обманчиво спокоен, но запястья он сжал до боли. — И сколько ты меня мурыжила, Оленька. отворачивалась, губки свои сладкие прятала...

Я молчу.

Я же тогда не знала, к чему приведет моя наивная ложь длиною в три десятка лет.

— Ты, что, меня обманывала? — клонит голову набок и немного прищуривается.

Я могу только коротко и судорожно выдохнуть.

Я чувствую себя под прямым и цепким взглядом Марка гадкой и противной шлюхой, на которой клейма негде ставить.

Как ловко он все перевернул.

— А ты мне изменял... — пытаюсь ситуацию все же развернуть в мою сторону.

— Ты мне лгала, Оленька? — Марка игнорирует мое жалкое возмущение, в которое я сама не верю, и сжимает мои запястья крепче, будто хочет их раскрошить.

Коля на коврике тяжело дышим и издает нутряное мычание вместе с жалобным всхлипом.

— Да, лгала, — едва слышно признаюсь я, не моргая.

— Так если бы не развод, то я бы и не узнал, что ты... — подается в мою сторону и выдыхает в лицо, — что еще тридцать лет назад за лошка держала?

Глава 18. Ты меня не опозоришь

— Марк... — шепчу я. — Это уже прошлое...

Марк в ответ сжимает мои запястья сильнее.

Я прекрасно знала, что моя многолетняя ложь о том, что я была нецелованная, Марку не понравится, если она вскроется.

В этом вранье действительно есть неприятный и липкий флер тех женских манипуляций, которые работают лишь тогда, когда мужчина влюблен.

Да, черт возьми, мое вранье было наглой манипуляцией, чтобы зацепить искушенного и наглого мерзавца своей невинностью и непорочностью.

Я знала, для чего я вру.

Чтобы впечатлить.

Чтобы подцепить на крючок.

Чтобы разбудить в Марке любопытство и желание стать тем самым, кто станет первым во всех смыслах.

Чтобы стать особенной для него.

Нет, лошком я его не считала, но знала, на какие точки надавить, чтобы он стал одержим мной. Чтобы он хотел только меня.

— Разочаровываешь, Оленька, — Марк усмехается. — Я же тебе верил. Нецелованный ангелочек.

Только я хочу возразить, как он рывком тянет меня к себе. У меня замирает сердце, я пугаюсь и жду разъяренного поцелуя, в котором язык Марк нырнет к моим glandam, но резко разворачивает меня к себе спиной и толкает в спину:

— Иди займись кексиками, которые мне пообещала.

Я обескураженно оглядываюсь.

— Тебя никто за язык не тянул, Оленька. Вперед и с песней.

— Мужик, можно я пойду? — хрипит Коля, о котором я уже успела забыть.

Он пытается встать, и испуганно застывает, когда Марк подходит к нему. Поднимает отчаянный взгляд, прижав ладонь носу. С подбородка на белую майку алые капли, и я, кажется, чувствую этот противный сладковатый запах крови.

— Давай помогу, — Марк за подмышки поднимает неуклюжего Колю и впечатывает его в дверь. Вглядывается в ошалевшие глаза. — Сейчас ты мне ответишь честно, Коля. Зачем ты пришел к Оленьке?

— Развести ее... — бубнит он и на грудь падают еще несколько капель крови. — Оты-меть... но я же не знал, мужик...

За честность Коля не получает удара в рожу. Марк только усмехается, а меня пробивает холодными отвлращением.

— Ой, для тебя новость, что таких, как ты, — Марк оглядывается с ухмылкой, — мужики считают легкой добычей?

— Я не такая...

Марк выталкивает окровавленного Николая на лестничную площадку, захлопывает дверь и несколько раз с тихими зловещими щелчками проворачивает ключи в замочной скважине.

После он ключи прячет в карман и разворачивается ко мне:

— Конечно, не такая, потому что я тебе запрещаю любые случки с другими мужиками. У меня брови ползут на лоб.

Он серьезен. Он не шутит, и в его голосе нет ни намека на то, что решил чуток поюморить и разрядить обстановку.

— Все же логично, — он делает ко мне шаг. — Ты не сохранила семью, не удовлетворяла мужа... и тебе не о случаях надо сейчас думать, а о своих ошибках в браке.

Он опять переворачивает мои слова в свою пользу, и как же ловко это у него выходит. Я не могу ничего против сказать.

Все по фактам, которые я втюхивала своим доверчивым курочкам на наших с ним женских чаепитиях.

— У тебя же есть Фаина, — шепчу я и отступаю в сторону кухни, — я стану для тебя бывшей женой.

— Я моя бывшая жена больше меня не опозорит, — медленно прет ко мне, зло прищурившись. — Мне казалось, ты это должна была уяснить после прошлого нашего разговора.

— А меня, значит, можно позорить? — дрожащим голосом спрашиваю я. — Позорить любовницей, разводом?

— Я предлагал тебе постараться и сохранить наш брак, но ты сама отказалась, — мягко и с угрозой посмеивается, — и никто из моего круга не позволяет бывшим женам скакать по другим вялым огурцам, — еще один шаг, — это вопрос уважения, моя дорогая.

Еще один шаг, и я не выдерживаю. Кидаюсь на кухню, закрываю дверь, к которой затем приваливаюсь всем телом в холодной панике.

— Такие порядки, Оленька, — мрачно заявляет за дверью Марк, — а теперь займись кексиками, хозяйюшка. И ты уже придумала, как объявишь о нашем разводе? Кстати, я думаю, что это будет финальный аккорд для твоего женского клуба. Вишенка на торте.

Глава 19. Извинения

У меня дрожит рука и взмахи венчика выходят неуклюжими, дергаными и нервными. Марк внимательно за мной наблюдает. Его пиджак висит на спинке стула, а рукава рубашки закатаны.

Под его кожей выпирает четкий рисунок вен: оплетают жилистые предплечья и спускаются к тыльной стороне ладоней.

Марк замечает мой взгляд на своих руках.

Я почему-то краснею.

Туплю взгляд в миску с жидким тестом для кексов.

Замираю, когда Марк поддается в мою сторону, а после ныряет указательным пальцем в тесто.

Господи, у меня в волосах сейчас седины стало точно больше, чем было.

Слизывает тесто с пальца и откидывается на спинку стула:

— Продолжай, Оля.

Прикусываю кончик языка, крепче сжимаю ручку венчика и веду им по кругу.

— Было бы неплохо Фаину научить печь мне кексы по утрам, — хмыкает Марк, не спуская с меня пристального и изучающего взгляда.

Я опять останавливаюсь, медленно выдыхаю и перевожу молчаливый взгляд на Марка, который лениво мне поясняет:

— Я люблю твои кексы. Не хочу от них отказываться. Тем более, милая моя, своим курочкам ты провела кулинарный мастер-класс “кекс-соблазн”.

— Но они с тобой не спали, — тихо и дрожащим от ярости голосом возражаю я.

— Но были бы непротив, — самодовольно хмыкает Марк.

И мне нечего возразить, потому что он прав. Мои курочки мне невероятно завидовали тому, какой у меня горячий муж, и даже с придыханиями делились, что просят у Вселенной именно такого мужика, как Марк.

Мне это льстило, и на мастер-классе “кекс-соблазн” я шутила, что мои ванильные малыши с жидкой шоколадной начинкой не раз провоцировали мужа на страстную и чуть ли не животную близость прямо на столе.

Конечно, я опять лгала.

Кексы Маркуша мои любил кушать под кофеек из смешной кружки в форме кота, но страсть на столе я мастерски избегала.

Да и кексы я готовила по большей части не для него, а для красивых фотографий в социальных сетях, чтобы куриц своих подразнить намеками, что у меня опять была страсть на столе на кухне.

— Я с тобой согласна, Марк, — перехожу на примиряющий шепот в надежде смягчить Марка, — я заигралась.

— Верно, но Фаину в тайну кексов посветишь, — безапелляционно заявляет Марк и скалится в улыбку. — Я же сказал. Мне нравятся твои кексы.

Я готова плакать.

— Либо, — Марк улыбается шире, — ты будешь сама кексы готовить для меня на завтрак... как обычно, по понедельникам и пятницам.

Что за игру он ведет? Он наказывает меня за мое женское самодовольство, которое задело его мужское эго?

— Марк, я готова извиниться, — шепчу еще тише.

— Думаю, ты не принесешь мне те извинения, которые бы меня, как и любого другого мужчину, удовлетворили.

Я широко распахиваю глаза. Он опять с ухмылочкой возвращает мне мою женскую мудрость, которая гласит, что если ты провинилась перед мужчиной, то он тебе все простит за верткий ласковый язычок.

Я опять краснею, и румянец сжигает не только щеки, но и лоб.

— Или готова? — изгибает бровь.

Я его моментально считываю. Он провоцирует меня. Если я надену на его голову миску с тестом с криками, что он подонок, то меня точно ждет “животная страсть” на столе.

Он накажет и отымеет меня, если я посмею сейчас огрызнуться и проявить агрессию. Он научит меня, что такое мужское доминирование.

Я сглатываю, крепко сжимая ручку венчика.

Я не хочу пугать соседей криками о помощи.

Не хочу узнать, что такое быть слабой и никчемной женщиной в грубых и жестоких руках беспринципного урода, который был моим мужем.

Я не хочу потом рыдать под душем.

— Что? — Марк с вызовом прищуривается. — Ты задумалась о том, как правильно передо мной извиниться? Мне нужны глубокие извинения, Оля.

Он насмехается. Он преподает мне жестокий урок, что я не просто заигралась, я в край обнаглела, но он меня действительно перевоспитает и укажет мне мое место. У его ног. Либо метафорично, либо буквально.

Сглатываю:

— Я научу Фаину премудростям моих кексиков, — мило улыбаюсь, внутри кричу от ужаса. — Там ничего сложного. Справится и будет тебя радовать по утрам кексами на завтрак.

Глава 20. Я тебе доверял

— Завтра отправлю к тебе Диму, — Марк смачно откусывает от кекса почти половину. Жует, довольно прикрывает глаза и бубнит:

— Вне всяких похвал.

Делает глоток крепкого черного чая.

Когда ему станет скучно?

Когда эти издевательства и унижения его перестанут радовать и почесывать его раздутое мужское эго.

— А то он все-таки тоже волнуется, как ты тут, — Марк отправляет вторую половину кекса в рот.

Жует, опять делает глоток чая, а я смотрю перед собой в одну точку и не шевелюсь.

Однажды я шутила со своими девочками, что каждой женщине хочется рядом жесткого мужика, который совершенно не интересуется твоим мнением.

Он умеет приказывать, он умеет подчинять, он пугает, но дико возбуждает. Это обсуждение случилось в “читательский час”: мы делились мнением о книге, которая рассказала нам о мрачном и жестоком мафиознике и невинной героине в его страстном и безжалостном плену.

Шмыгаю и опять замираю.

Я же не знала, что у меня муж такой же.

Господи, я эту книгу читала, пока у меня под боком спал Марк, не подозревая о том, что его жена читает, как его “коллега” натягивает по самые помидорчики придурочную героиню.

Я все пальцы искусила и перевозбудилась, но Марка не стала тормошить. Пошла в ванную комнату и там сбросила напряжение, ведь игрища с Марком посреди ночи были для меня утомительными.

Пока его разбудишь поцелуями и ласками, пока он поймет, чего я от него хочу... Поэтому я и побежала на цыпочках в ванную, вдохновленная воображаемым Розарио.

— Ты чего такая красная сидишь? — Марк слизывает крошки кекса с пальцев. — О чем задумалась?

Да, всем понравился Розарио, и “читательский час” нашего уютного женского клуба был занят охами и вздохами по вымышленному мужику.

Перевожу взгляд на Марка.

Какова вероятность того, что он сейчас в курсе о каждой мелочи моих встреч с “девочками”, к которым он меня в последний год очень неохотно отпускал?

— С сыном нашим води себя прилично, — заявляет он. — Помнишь, да, не надо его настраивать против меня?

— Помню.

— Ты такая покладистая, — отставляет чашку с остатками чая. — Любо-дорого смотреть.

— Ты меня пугаешь, — честно признаюсь я. — Это все из-за страха.

— Меня устраивает, — Марк вальяжно откидывается на спинку стула. — Не зря же говорят, что хорошую женщину можно воспитать только страхом.

— Фаина тебя тоже боится?

Прикусываю язык, а Марк прищуривается. Усмехается, и я не могу понять, эта усмешка говорит мне мне об одобрении или недовольстве?

— Ее заводит страх, — Марк обнажает зубы в хищном оскале. — Она с самой первой встречи поняла, кто я.

Стискаваю зубы.

Вот как? Какая-то тупая проשמанда сразу поняла, что Марк бандюган, а я была наивной дурочкой десятки лет?

— И ей нравится быть в позиции подчинения, — задумчиво продолжает Марк.

Я едва сдерживаю в себе порыв схватить чайник и выплеснуть кипяток в самодовольное лицо, но нельзя.

— А мне вот не нравится, — тихо отвечаю я. — Марк, я хочу уважения...

— Я тоже, — опять ухмыляется, — вот я тебя уважению и учу.

Встает и подхватывает со спинки пиджак, который затем накидывает на плечи. С хрустом разминает шею, снисходительно глядя на меня:

— Фаину к тебе вечером закинут, — делает паузу, — ты обещаешь мне быть терпеливой и милой?

— Зачем тебе все это?

— Я задал тебе вопрос, — его голос становится ледяным и острым.

Эта перемена тона меня резко отрезвляет, и я вновь чувствую укол страха где-то под желудком.

Надо запомнить главные правила игры с Марком: не перечить, голос не повышать и не проявлять агрессию, будто он дикий бешеный зверь.

— Да, — вновь смотрю перед собой и медленно выдыхаю. — Я помню, ты не хочешь ссор и всей этой женской возни с интригами.

— Вот и умничка, — оправляет полы пиджака.

Затем он резко наклоняется ко мне, но я не дергаюсь, пусть сердце и подскакивает высоко-высоко.

— И насчет чужих вялых огурцов я не шутил, — его тихий голос обжигает кожу. — Ты будешь у меня гордой одинокой разведенкой. Глубоко приличной дамой, которая после развода не станет позорит ни мужа, ни саму себя.

— Я поняла, Марк... — сипло отзываюсь я.

— А если не поняла, то я тебе в красивой коробочке зубы и ногти подарю, — я чувствую его улыбку. — Поэтому не ищи лишнего внимания. Я буду в курсе о каждом твоём шаге, Оля, о каждом твоём слове. Стоило, конечно, раньше под колпак тебя посадить, но я тебе доверял, Оля.

Глава 21. Мы не подружки

— Привет, — перед порогом маминой квартиры стоит Фаиночка и мило так улыбается.
— Пустишь?

Волосы собраны в высокий хвост: лицо и шея открыты. Косметики минимум, но ее кожа все равно сияет будто изнутри, а ее пухлые губы будто стали сочнее и больше

Я хмурюсь.

Я понимаю, что губы у Фаина не из-за жидкой помады опухли. Не-а.

Вероятно, она перед тем, как отправится ко мне, поработала своим ртом. Порадовала моего мужа губами и языком. Поэтому кровь и прилила к рабочему инструменту.

Вот же шваль бессовестная.

Сжимаю ручку двери и борюсь с желанием вцепиться в ее волосы с криками, что она бессовестная шлюха и мразь, но вместо этого я тоже улыбаюсь:

— Привет.

Окидываю ее быстрым взглядом. Вместо джинс и маечки с глубоким декольте — платье из пудрового шифона до колен и бежевые туфельки-лодочки.

Одета скромно, но все равно выглядит вызывающей шлюхой, которой так и хочется прочитать лекцию, что надо одеваться прилично.

— Проходи, — отступаю в бок. — Ты же тут по делу.

Может быть, Фаина сама в беде?

Может быть, Марк вынудил стать его любовницей угрозами, что убьет, например, ее сына?

Может быть, у нее не было никакого выбора, как и у меня сейчас?

— Да, по делу, — соглашается Фаина и проходит в прихожую.

Аккуратно снимает туфли и оставляет их в сторонку.

Закрываю дверь.

Что если Фаина мне не враг, а союзник? Оглядываюсь. Прищуриваюсь на Фаину в желании угадать ее мысли и душу, но я все равно вижу перед собой наглую шмару без стыда и совести.

А кем она видит меня?

Постаревшей дурой, которая потерялась в этой жизни из-за женской наивности в то, что мой муж — обычный бизнесмен?

— Теперь хоть буду знать рецепт твоих удивительных кексов, — неловко смеется.

Она сейчас попыталась обстановку разрядить или все же хотела тайком и завуалированно укусить меня за большое?

Она занимает мое место, и теперь она будет на завтраки радовать Марка кексикам с жидкой шоколадной начинкой, за которую он, по его словам, готов был душу продать.

Но кто же думал, что он сам оказался Дьяволом?

Меня от макушки до пят продергивает ревность, когда я представляю Фаину в коротком переднике с белыми рюшами и робкой улыбкой. Она протягивает тарелочку с кексиком Марку, стоя на коленях...

Вот же дрянь.

— Ну да, теперь ты будешь готовить кексы вместо меня...

В своей тихой интонации я прячу издевку, что она будет для Марка суррогатной копией, и любой нормальной женщине было бы неприятно и унижительно учить у почти бывшей жены ее рецепт.

— Все мы к чему-то привыкаем, — Фаина очаровательно улыбается, — многие привыкают и любят, например, мамины пирожки или тортики... Я понимаю эту тягу к знакомому и вкусненькому из родных рук.

Я возмущенно распахиваю ресницы.

Она только что мило намекнула, что я была для Марка не женой и любовницей, а мамой с вкусными кексами?!

Ни одного противного слова не сказала, а чувствую я себя так, будто меня помоями облили.

Марк привык к моим кексам, как к маминым пирожкам? Вот как, значит?

Хочу выволочь Фаину за волосы на лестничную площадку и спустить пинками с лестницами, но потом я обязательно пожалею о своей агрессии.

Марк обязательно меня накажет... Ну или сочтет, что раз я ревную, то хочу обратно под его крылышко. Просто не могу прямо об этом сказать. Стесняюсь.

— Руки помой, — командую я и шагаю мимо Фаины на кухню, горделиво вскинув подбородок. — Я уже все приготовила для нашего мастер-класса.

— Я честно думала, что ты не согласишься, — следует нахалка за мной на носочках, — я же тебе не подруга...

Я резко останавливаюсь, и Фаина чуть не врезается в меня. Когда я оборачиваюсь, она медленно отступает:

— Да, не подруга, но у меня нет выбора, — натягиваю улыбку. Мышцы лица болят. — Ты права.

— Но мы можем, если не дружить, то хотя бы терпеливо друг к другу относиться...

Я вопросительно вскидываю бровь. Если я ее зарежу, то как поступит Марк?

— Марк против грызни, — Фаина вздыхает. — И я его поддерживаю в этой идее.

— Какая ты мудрая... — цежу сквозь зубы.

— Да, у меня тоже можно кое-чему поучиться, — нагло подмигивает мне. — Идем, мне выделили все полтора часа на встречу с тобой. Надеюсь, уже сегодня вернусь к Марку с его любимым кексиками.

Глава 22. Вот же стерва

Ради сына я должна быть терпеливой.

И еще ради собственной шкуры.

Если я сейчас затыкаю Фаиночку ножом, которым отрезаю кусок мягкого сливочного масла, то я попаду либо в тюрьму, либо в подвал к Марку, который будет учить меня, что убивать его любовниц плохо.

Хорошие девочки так не поступают.

— Вот столько масла надо? — Фаина ножом отмеряет масла чуть больше, чем надо.

— На пять миллиметров меньше...

Она послушно подчиняется и прикусывает кончик языка.

Красивая, стерва.

Порочно красивая. Я такой никогда не была, а мне всегда хотелось. Я не то, чтобы была серой мышкой, но мне приходилось вытягивать свою бледную внешность правильным макияжем, одеждой, аксессуарами, а Фаине можно мешок надеть, и будет красавицей.

Бесит.

— А как вы с Марком познакомились? — спрашиваю я, когда мы начинаем уже вмешивать муку в сладкую яичную смесь.

Стараюсь говорить мило и тихо. Короче, прикидываюсь дурочкой, которая задает вопрос без злого умысла. Просто из любопытства.

— Марк просил не обсуждать наши отношения, — Фаина делает неуклюжий взмах венчиком и поднимает облачко муки.

Ойкает и виновато смотрит на меня, замерев, как испуганный зверек, но это всего лишь игра.

— Ничего страшного...

— Но мне все страшно, — слабо улыбается она и издает короткий смешок, — вздруг ты меня на этой кухне прикончишь?

Она, что, научилась читать мои мысли?

Смеется и возвращается к жидкому тесту, в которое понемногу добавляет какао:

— Я шучу, — пожимает плечами, — но, — косится на меня с наигранной опаской, — бывшие жены иногда срываются... Развод — это же не шутки...

Да она напрашивается.

Может, у нее сейчас такой план: выбесить меня, получить порцию моей агрессии, чтобы потом побежать и поплакать в могучую суровую грудь Марка?

— Я еще не бывшая жена, — говорю я и откладываю венчик, — Фаина, чуть помедленнее помешивай тесто. Спешка испортит результат.

— Мне тут историю рассказали о тетке, которая мужа бросила на обочине умирать, — Фаина игнорирует мои слова, — а после еще и свекровь прибила, — качает головой, — в дурку угодила, — смотрит на меня, — тетке пятьдесят пять лет, а ума нет. Может, это ранняя деменция у некоторых? Или климакс так бушует, что мозги отключаются.

Я прищуриваюсь.

Вот же стерва.

О климаксе заговорила и намекнула, что я могу быть из тех женщин, которые после пятидесяти лет сходят с ума.

Ловко.

Знает, на что давить, ведь вопрос угасания фертильности для каждой женщины — болезненный и страшный вопрос.

— Кстати, если что, — Фаина опять ласково улыбается, — у меня есть хороший гинеколог. Он моей маме помог при климаксе. Ее сильно накрыло, и она так резко постарела, но все подправили.

Я не стану реагировать на наглые провокации.

Да, мне пятьдесят. Да, у меня скоро сложный и опасный период в жизни, но я к нему готова, и я не буду сейчас впадать в истерику.

Да, мне пятьдесят. Мне мои года не отменить.

— Спасибо, Фаиночка, — киваю я, — но ты о тесте забыла со всеми этими разговорами о климаксе.

— Да, точно, — очаровательно охает, и вновь ее венчик движется по дну глубокой пластиковой миске. — Надеюсь ты не обиделась... А то...

— Что?

— Пожалуйся Марку, наябедничаешь, что я такая, нехорошая, назвала тебя старой истеричкой, хотя я такого и в мыслях не думала... — обиженно шмыгает. — Женщины часто придумывают лишнего...

Я напряженно ломаю плитку горького шоколада, который я планирую растопить со сливками для начинки.

— Если я пожалуюсь, то Марк тебя накажет, что ли? — спрашиваю холодно.

— Не буду я тебе и о таком рассказывать, — смеется и плечом меня толкает, будто она она моя подруга. — Ты смешная, а говорила, что не подружимся...

Я сама тоже могу попасть в дурку.

Я все изнутри сгорела до черной копоты ненависти и гнева. Руки трясутся, дыхание перехватывает.

— Кстати, я с Димой тоже подружилась, — Фаина поднимает венчик и с него капает густое тесто, — серьезный мальчишка. Прямо копия отца... — опять смотрит на меня, — обещаю, не буду я для него злой мачехой. У меня же самый сыночек, и я знаю, какие пацаны в этом возрасте колючие, но чувствительные.

Глава 23. Жадная Фаина

Значит, с Димой подружилась.

С моим сыном.

Она теперь живет под одной крышей с моим сыном, и ее слова о том, что она знает, какие мальчишки чувствительные в его возрасте, явный намек: она настроит его против меня.

Она хитрая дрянь, и я чувствую, что она та мерзкая бабища, которая может стать сложному подростку старшей подругой, потому что она “современная, безбашенная и клевая”.

А мамы редко бывают клевыми.

— И сколько ждать? — Фаина сидит на корточках перед духовкой и внимательно вглядывается за стеклом дверцы. — Блин, это мои первые кексы, и такие очаровашки получились. А запах какой... ммм...

— Прости, я отлучусь, — тихо говорю я. — В уборную.

Торопливо выхожу из кухни. Прикрываю за собой дверь и кидаюсь в туалет, в котором запираюсь.

Приваливаюсь к холодной кафельной стене и медленно оседаю на пушистый коврик, спрятав лицо в ладонях.

На меня волной нахлынула паника и ужас перед жестокостью Марка, который показал мне, на что способен.

Да, он сейчас меня воспитывает.

Если захочет, то я сяду за один стол с его любовницей и назову ее подругой. Если он захочет, то он заставит смотреть, как развлекается в кровати с Фаиной.

И я совершенно не знаю, как быть с ним.

Все мои женские уловки, хитрости, манипуляции оказались большой наивной глупостью, и он, по сути, их лишь терпел и подыгрывал, пока мои игры в роковую красавицу были милыми.

А потом я охамела.

Всхлипываю и лезу в карман домашних штанов.

Достаю телефон и дрожащими пальцами снимаю блокировку. Захожу в телефонную книгу, и мой палец замирает над “Маркуша”.

Вспоминаю, как этот самый “Маркуша” ломает пальцы, и нажимаю три точки в углу экрана.

Переименовать. Срочно переименовать.

Фантазия рисует жуткую сцену: Марк наблюдает за тем, как темные фигуры в лесу закапывают живого человека и принимает мой звонок. Он продолжает наблюдать за работой своих парней и слышит в трубке:

— Маркуша... Я не могу выбрать, какие туфли купить...

Господи. Всхлипываю и переименовываю Маркушу на Марка, а после нажимаю кнопку вызова.

— Оленька, — в дверь стучит Фаина. — Ты в порядке? Я тебя не обидела?

— Все в порядке, — кусаю ногти, напряженно вслушиваясь в гудки. — Иди следи за кексами. Через пять минут их надо достать.

— Поняла.

Пятый гудок, шестой, и я хочу уже сбросить звонок, но Марк все же отвечает:

— Да, Оля?

— Хватит.

— Не понял.

Прижимаю ладонь к глазам, из которых текут слезы. Память под вздох ожидания на другом конце оживает теплым и светлыми видением, в котором Марк в воскресное утро готовит завтрак и корчит смешные рожицы двухлетнему Диме.

Дима смеется, а из гостиной доносятся песни Яны и Лены, которые устроили утреннее караоке.

— Прошу, хватит, — сипло шепчу я.

Тот Марк и сегодняшний — разные мужчины, и я отказываюсь верить, что мой Маркуша — беспринципный жестокий урод, который останется равнодушен к моим мольбам остановиться.

— Фаина чудит? — небрежно спрашивает Марк.

— Нет... господи, нет... — всхлипываю я. — Марк, я все поняла... Я поняла, что ты страшный и опасный... Поняла... Не надо так со мной. Я не хочу дружить с твоей любовницей. Это унижительно, Марк. Неужели ты не понимаешь?

— Я жду твои кексики, Оля, — Марк не покупается на мои слезы, — правда, теперь они станут не совсем твоими, но это твой выбор.

Гудки и я прижимаю телефон к груди.

— Оля, — подает опечаленный голос Фаина за дверью, — я же тебе не враг. Оля... Послушай меня...

Она делает паузу и ждет, когда я отвечу.

Я встаю, поправляю волосы и открываю дверь. Мрачно смотрю в большие красивые глаза Фаины. У нее длинные густые ресницы.

Ловлю себя на мысли, что с удовольствием повывергивала эти ресницы одну за другой стальным раскаленным пинцетом.

— Что?

— Мы должны объединиться, Оля, — Фаина слабо улыбается. — Я понимаю, что тебе вся эта ситуация неприятна. Ты ревнуешь, тебе больно... и тебе бы зализать раны, а мне... мне тоже хочется немного иного. Я тоже не хочу, чтобы Марк воспитывал или наказывал тебя. Я тоже хочу, чтобы ты была просто бывшей, с которой он видится редко и только на семейных праздниках.

Сжимаю телефон.

— Я хочу, чтобы он был только моим. Я не хочу делиться нашими отношениями с бывшей женой. И тебе это тоже выгодно, ведь так?

Я молчу. Меня начинает трясти от гнева.

— Делай все, как приказывает Марк, — Фаина касается моей руки. — И давай работать в команде.

Глава 24. Я же не дура

— Мама и папа разводятся, — говорит Яна, печально глядя в объектив, — эта новость для меня оказалась тяжелой, но... — она с натугой улыбается, — у нас был серьезный семейный разговор, на котором мы все, конечно, поплакали, — шмыгает и прижимает платок левому глазу, — да, разговор был сложный... нам пришлось быть очень честными, открытыми...

Я ставлю видео на паузу.

Ложь.

Ни одного слова правды в видео-обращении Яны к своим подписчикам.

— Ну, в принципе, — говорит Лена и похрустывает стеблем сельдерея, — Янка неплохо так справилась. Вышло грустно, но... очень трезво... — вздыхает, — с позиции взрослого ребенка.

— Спасибо, — бурчит Яна, свернувшись калачиком на диване, — но это все равно будет бомба... она все взорвет к чертям...

Лена сосредоточенно хрустит сельдереем, а затем заявляет:

— Это будет топ всех твоих роликов. Люди любят такие видео. Любят обсасывать чужие разводы.

— Но мой аккаунт не разводах, Лена! — Яна взвизгивает и садится. — Мой контент о счастливой большой семье, и теперь этот ролик, — она вскидывает руку в сторону телефона, который молча сжимаю, — будет прощальным! Будет последним! Ты не понимаешь, что ли?!

Закрываю глаза и медленно выдыхаю.

Не успела я прийти в себя после Фаины, которую спровадила час назад с готовыми кексами, как мои дочери приехали и решили устроить мне грандиозный скандал.

— Можно было контент раскрутить на разводе мамы и папы, — Яна вскакивает на ноги. — Да, и это гарантировало кучу просмотров, ведь сейчас в интернете все кругом разводятся, изменяют и страдают, но это не мой случай! Папа четко дал понять, что это будет последний ролик!

— Ну и правильно, — Лена усмехается и опять откусывает от стебля сельдерея внушительный кусок. Бубнит через громкий сочный хруст. — Мне тоже не нравилось, что ты везде с камерой лезешь, когда мы вместе собирались. В последнее время ты же никому покоя не давала!

— Да пошла ты!

— Сама пошла, — Лена смеется.

— Хватит, девочки, — шепчу я. — И, Лен, — поднимаю взгляд, — тебе будто все равно, что мы с отцом разводимся. Знаешь, я даже удивлена твоему хладнокровию.

— Мои слезы тебе как-нибудь помогут? — Лена садится напротив в глубокое кресло, на которое накинуть яркий желтый плед. Помахивает стеблем сельдерея, вглядываясь в мои глаза, — да ты и сама не плачешь.

— Наверное, уже поплакала, — Яна возвращается на диван и зло смотрит на Лену, — и опять я разгребала их скандал. Это я была с ними, когда они весь этот кошмар устроили! Не ты! Ты у нас была в Испании!

— Я не отдыхала, если что.

Лене двадцать два. В этом году хочет поступить в магистратуру, и пару недель назад Марк отправил ее в Мадрид, чтобы она прошвырнулась по местным университетам, лично побеседовала с ректорами, преподавателями, студентами и узнала, как обстоят дела с арендой квартир.

Он не хочет, чтобы доча жила в общежитии.

Пару часов назад вернулась из солнечной Испании, и водитель Марка сразу отвез ее ко мне, а потом после нашей встречи заберет домой.

Домой к папе, Диме и Фаине, которая горячо желает занять мое место. Место жены и хозяйки нашего дома.

— Лен, ты не останешься со мной? — всматриваюсь в лицо дочери. На загорелых щеках появились веснушки.

Вопрос глупый.

Она не останется, ведь не я оплачу ей учебу. Не я сниму квартиру в Испании, о которой она мечтает с четырнадцати лет, и не я буду отправлять ей деньги каждый месяц на жизнь в Мадриде, который считается одним из самых дорогих городов.

— Я должна вернуться домой, мам, — она хмурится. — Папа ждет меня и я не пойду против него. И главное, какой в этом смысл?

— Быть на моей стороне? — неуверенно спрашиваю я. — Показать отцу, что так нельзя поступать... Лен, он мне изменял, и дома тебя ждет его шлюха.

— Па, кстати, не хотел развода, — Яна скрещивает руки на груди. — Предлагал маме подумать и пороть горячку, но это же, — повышает голос до осуждающих ноток, — мама!

— Ясно, — Лена откидывается назад и хмурится на меня, — а я от отца не побегу, мам, и я, знаешь, не удивлена, что у него появилась другая.

Я возмущенно задерживаю дыхание.

— Ты же его достала, мам, — Лена громко цыкает. — Хочешь сказать, что нет? Я все ждала, когда рванет, и вот рвануло. Да, поэтому я не удивлена, но я прекрасно понимаю, что сейчас не стоит папу злить, и я не буду этого делать. Я же не дура.

Глава 25. Стервятницы

— Ты бы вместо того, чтобы обижаться, мам, — сказала Яна перед тем, как с сестрой оставить мне в квартире мамы разбитой и мрачной, — подумала, кто отцу о твоих тупых лекциях доложил.

Вот сижу я сейчас за длинным столом на втором этаже в одном из столичных кафе: панорамные окна, белые стены с абстрактной лепниной и высокие потолки, что художественно забрызганы золотой краской.

За этим столом сидят и мои “курочки”. Внимательно изучают меня, а я пытаюсь угадать, кто мог спровоцировать всю эту лавину, которая погребла мою семью?

Пятнадцать женщин. Пятнадцать моих преданных последовательниц, которые со мной почти со дня основания нашего “женского клуба”.

Я их называла семьей.

Я в курсе многих их семейных передраг, романов, трагедий и даже интимных болезней. Господи, да с некоторыми из них у нас один гинеколог.

— Оленька, — обращается ко мне Света. Моя ровесница, волосы красит в черный, а губы — в красный, — ты какая-то задумчивая сегодня.

— Я развожусь.

Воцаряется гробовая тишина. Пятнадцать пар глаз устремлены на меня. Не моргают. Шульгина Ирина, вечная одиночка, которая за все свои сорок пять лет не была в долгих серьезных отношениях, аж рот открывает.

— И... это не главная новость нашего завтрака, — натянуто улыбаюсь. — Наш женский клуб с сегодняшнего дня закрыт.

Так и не моргают. И уже открыть не один рот, а пять.

Если я сейчас расплачусь, то мои девочки кинутся меня успокаивать, заверять, что все будет хорошо и что они меня не бросят в беде.

Но я не хочу этого.

Не хочу быть жалкой разведенкой, которая наматывает сопли на кулак и воет, что ей страшно и одиноко.

Я должна закрыть женский клуб достойно. Как приказал Марк.

Только сейчас я понимаю, что это его очередная проверка, как я выйду из ситуации, в которую я сама себя загнала.

Заистерю в присутствии подружек?

Нажалуюсь и попрошу их помощи, ведь среди них есть девочки непростые. У кого-то в родственниках адвокаты, у кого-то есть знакомые в полиции, у других есть связи в женских приютах, где находят защиты женщины от жестоких мужчин.

Вероятно, Марк уже навел справки на каждую из моих куриц и ждет, а воспользуюсь ли нашей дружбой, кинусь ли просить о помощи и стану ли рыдать о том, что мой муж — садист и бандит?

Объявлю ли я ему войну?

Думаю, ему самому любопытно, пройдет ли мой “женский клуб” проверку. Помогут ли мне мои девочки, к которым я убегала от него и которым лгала, что его создала я?

Он играет со мной.

Буду ли сопротивляться? Подставляю ли других людей? Или окажусь сама тупой курицей, которой помощи не окажут, но только поохают и паахают?

— Оленька, что случилось? Или ты просто шутишь?

— Не шучу. Я развожусь. И официально заявляю, что все мои слова о семейной жизни, браке, взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, были лишь красивой ложью, кото-

рую приятно слушать и только. Я водила вас за нос. Говорила лишь то, что понравится вам, и набивала себе цену.

Прячу дрожащие руки под стол.

Марк учит меня брать на себя ответственность. Марк учит меня сдержанности в общении с посторонними. Марк учит меня, что женская болтливость может навредить семье.

— Оленька, но... почему вы так с Маркушей резко разводитесь?

— С Марком, — мрачно поправляю. — Маркушей мой муж должен был быть только для меня.

Марк учит меня, что я давно уже, по сути, “подложила” его под весь женский клуб, ведь для каждой из них он был Маркушей.

— Загулял?

— Или ты загуляла?

— Оля, как же так... такая крепкая семья была.

— Что же случилось, Оля. Не молчи. Мы рядом, мы слушаем.

Не курицы. Нет.

Стервятницы.

Вот кто они. И сейчас я вижу это четко и осознанно: они жаждут подробностей нашего с Марком развода.

Они хотят каждую деталь моей семейной трагедии. Да, они пожалеют. Может быть, даже кто-то постарается помочь, но лишь после того, как я поделюсь с ними слезами, ревностью, криками, какой Марк козел.

— Наш развод касается только меня и Марка, девочки, — мило улыбаюсь через силу, — клуб закрыт.

Что же, Марк элегантно подвел меня к тому, что я теперь больше никогда и ни за что не стану болтать о своей личной жизни.

Личное — это личное.

Спасибо, Марк, урок усвоен. Какой урок будет следующим, мой милый? Что ты приготовил для меня еще? Какую проверку.

Вздрагиваю, когда в сумочке вибрирует телефон. Торопливо выхватываю его и в ужасе смотрю на экран, на котором высветилось имя “Марк”.

Не к добру.

— Алло? — под внимательными взглядами прикладываю телефон к уху.

— И где ты? — начинает без приветствий. — Я сына нашего привез, Оля. Чтобы через десять минут была на месте.

— Я не успею, Марк.

— Пятнадцать, — сбрасывает звонок.

Глава 26. Львенок

— Я дома! — врываюсь в квартиру и пытаюсь отдышаться.

Я еще никогда прежде никуда так не торопилась. Дыхалка на пределе. Ноги трясутся от слабости. Легкие горят.

Я всю жизнь была неспешной. Царственно медлительной, и никогда не приходила вовремя. На любую встречу или свидание опаздывала.

Ну, знаете эту женскую мудрость, что настоящая женщина никогда не придет вовремя. Она всегда задержится, чтобы мужчина понервничал.

Если я опоздала, то Марк может психануть и больше не будет у меня встреч с сыном.

Смотрю на экран смартфона. Я уложила за пятнадцать минут.

Понимаю, что Марк был в курсе, где я была и четко рассчитал, за сколько минут я буду на месте.

Он дрессирует меня.

— Я же говорила, что она успеет, — слышу голос мамы.

Теперь я замечаю в прихожей мамин красный чемодан с яркой наклейкой “Бабулита едет отдыхать, сосунки”.

Да, мама у меня с прибабахом, который проявляется всегда очень внезапно и неожиданно. Отличный пример ее легкого безумия — красный чемодан с сомнительной наклейкой.

— Ну, что ты такой мрачный, Маркуша? — воркует на кухне мама. — Пришла же. И не опоздала. Вон как дышит. Как бизон после марафона.

— Даже странно, что такая одышка, — отвечает ее Марк и хмыкает. — По утрам каждое утро бегаю.

— Ну, любят женщины приврать! — охает Мама. — Я вот тоже все говорю, что мне пятьдесят.

В молчании Марка я слышу полное недоумение. Я делаю судорожный выдох, сглатываю в попытке унять жжение в груди и скидываю туфли:

— Где Дима?!

— В магазин его отправила. У тебя тут кроме кексов ни черта нет! — повышает голос. — Зачем тебе столько кексов?

Мама выходит ко мне в прихожую. Не успела вернуться, но под глаза уже наклеила мои патчи. Подплывает вплотную, сердито поправляя фартук на талии и зло шепчет:

— Тебе надо бы муженька удивлять, какая ты хозяйшкa, а ты... сладкое жрешь.

— Это я вчера его шлюху учила печь кексы, — выдыхаю маме на ухо. — Это не я сладкое жру, а твой любимый Маркуша. Это он сладкоежка по утрам.

Меня трясет, но уже не от слабости и одышки, а от злости.

Я для Марка — враг. Для дочерей — дура. Для матери — идиотка. Для сына — старая клуша.

Никто меня в моей семье не поддерживает и не понимает. Я — одинока. Я противостою не только Марку, который с цепи сорвался, но и против всей семьи.

— У тебя совсем мозгов, — мама шипит мне в щеку, — раскрывать свои секреты другой женщине?

— Надо признаться, что Фаина сегодня с утра спекла те самые кексы, — скучающе отзывается Марк, — а я, признаться, ожидал, что Оля решит немного подерзить мне.

Он, что, разочарован? Он ждал того, что я обману Фаину с рецептом?

Или мне показалось?

— Ничего особенного в этом рецепте нет, — стягиваю с шеи шарф и накидываю на крючок вешалки.

— Теперь нет, — разочарованно фыркает мама.

— Соглашусь с твоей мамой.

Сжимаю плечи мамы и отодвигаю ее в сторону, а затем шагаю на кухню, где у окна скучает Марк.

— Я закрыла клуб, — отчитываюсь с дрожью в голосе. — Объявила о нашем разводе, но тебе, вероятно, и так донесут, что было мной сказано, да?

— А ты сказала что-то, что меня опять разочарует? — Марк оглядывается и улыбается. — Или была осторожна?

Я готова упасть перед ним на колени и взмолиться, чтобы он сжалился надо мной, но вряд ли он услышит мое отчаяние, ведь он решил раздавить обнаглевшую женушку за ее отказ “сохранить семью”.

— Нет. Я была предельно официальна, — прячу трясущиеся руки за спину, — никаких подробностей. Никакого грязного белья.

— Умничка, — вновь смотрит в окно.

Понимаю, что он напряжен, и причина этому напряжению — не я. Поднимается нехорошее предчувствие, и я кидаюсь к окну.

Замираю.

На детской площадке Дима отбивается от трех парней: один с разбитым носом пытается встать из песочницы, второй получает в живот ногой, а третий заходит сбоку. Но пока второй летит в кусты, Дима с резкого разворота наносит третьему в лицо удар кулаком.

Рядом валяется пакет, из которого высыпалась картошка, несколько жестяных банок и яблоки.

— Какого черта?! — взвизгиваю я и хочу кинуться на помощь сыну, но Марк рывком прижимает к себе и фиксирует меня за шею локтевым сгибом. Выдыхает в ухо:

— Во-первых, там мои парни следят за этой возней, — я ощущаю всем телом его напряжение, — во-вторых, сейчас наш мальчик, ставит свой авторитет среди местных лошков. Раз его мать теперь живет тут, тот этот двор будет его.

— Ты чокнутый...

— Сразу против троих быканул, — он улыбается мне в ухо, — и троим навалиет. Они сами его что-то сказали, когда он проходил мимо.

— Так нельзя... Ему всего шестнадцать...

— Уже шестнадцать, — Марк усмехается. — Знаю, Оля, ты про сына вещала, что он у тебя хороший мальчик-отличник, но у этого мальчик отлично поставлен удар. Ты посмотри на него. Настоящий львенок.

Глава 27. Супер-мамочка

— Дима, так нельзя!

Дима молча поливает разбитые в кровь костяшки перекисью над раковиной. Марк сидит за столом и пьет черный крепкий кофе.

— Дима... — хочу помочь сыну в обработке его ран.

Он переводит на меня такой тяжелый и мрачный взгляд, что я испуганно отступаю.

— Я сам, мам, справлюсь, — четко проговаривает он.

В его глазах еще горит адреналин и ярость.

— В следующий раз ты не должен сам марать руки, — заявляет Марк, и я в ужасе на него оглядываюсь. Он делает глоток и лениво продолжает. — Должна быть четкая иерархия. Ты не вышибала.

— Понял, пап.

— Ты что несешь, Марк?

— У тебя сын не тот соплежуй, о котором ты рассказывала, — Марк поднимает на меня предостерегающий взгляд. — Он очень серьезный парень, Оля.

— Мам, — в поиске поддержки оглядываюсь на маму, которая раскладывает покупки Димы в холодильник.

— Может, Димка тут порядок с этой шоблой наведет, — закрывает дверцу холодильника и сердито смотрит на меня. — А то эти укурыши совсем совесть потеряли. То в подъездах ссут, то на стенах письки рисуют! То свои тупые песни по ночам поют! Матерятся! Харкают! Деньги у детей отбирают! Устроили тут свое опэгэ.

— Да твой зять сам бандит! — вскрикиваю я и вскидываю руку в сторону Марка. — Он пальцы людям ломает!

— Не просто так ломает! А за тупую курицу-жену! Правильно сделал! Я бы еще сама добавила! — мама повышает голос. — И Кольке этому тоже по его харе тупой несколько раз двинула. Приперся стручок свой пристроить!

— Мама!

— Это хорошо Марк был дома! — продолжает кричать. — Все ему культурно объяснил.

— Культурно объяснил?! — охаю я. — Да он ему нос сломал.

— Каким был слабаком этот Колька, таким и остался! Вот нос ему и сломали! — мама подбоченивается. — Противный мужик. Ничего не добился! Пятьдесят лет и к матери старой вернулся жить! Позорище! И это она, — мама грозит мне пальцем, — подослала его к тебе!

— Конечно, надо же сыночка пристроить, — усмехается Марк и его губы вновь касаются края чашки.

— Это какой-то абсурд, мама. Он мне изменяет, — вскидываю руку в сторону Марка, — он притащил свою шлюху в наш дом.

— Это ты допустила, когда решила ко мне под юбку спрятаться!

Димка над раковиной встряхивает руками и тянется к аптечке. Выхватывает бинт из нее:

— Фаина приставучая чуток, — вздыхает. — Пап, мне не нужна вторая мамочка. Мне хватит одной за глаза.

— Я поговорю с ней, — Марк кивает. — Хочет подружиться, Дим, и наладить контакт с тобой.

Я чувствую себя дурой.

Все вокруг против меня, и скоро я точно сама поверю в то, что Марк ничего такого не натворил.

Ну, подумаешь, бандит, но свой же. Родной, любимый, и это я должна его направлять на путь праведный без сломанных пальцев и без любовниц.

Ну, подумаешь изменял. Сама виновата. Когда у вас с Марком была последняя физическая близость с громкими стонами, слезами удовольствия и тихими мольбами не останавливаться?

Когда книжные мужики и пальцы заменили мне Марка окончательно и бесповоротно?

Не в этом причина. Я встряхиваю волосами, прогоняя мысли о соитии с бессовестным мужем, эротических книгах, играх пальчиками в туалете и ванной с фантазиями о несуществующих мужиках.

— Вот чему ты учишь нашего сына? — спрашиваю я, наконец, совладав с мыслями в моей глупой бедовой голове. — Тому, что жену можно заменить на любовницу? Что любовница может стать хозяйкой в доме?

Дима резко разворачивается ко мне и, зло прищурившись, наматывает на ладонь бинт:

— А ты чему учишь, мама? — он усмехается точь в точь как его отец. — Что жена может бросить дом? Что может позволить какой-то шлюхе занять свое место? Учишь тому, что женщины в принципе не способны бороться? Лишь убегать, рыдать и истерить?

— Ты позволишь ему так говорить со мной? — восклицаю я в сторону Марка, который вскидывает бровь.

— Покажи чудеса воспитания шестнадцатилетнего парня, — жестоко усмехается он. — Что ты за меня прячешься? Только пару минут я был отцом-монстром, которого надо лишить родительских прав, а сейчас внезапно требуешь, чтобы я его утихомирил. Опять ждешь, чтобы я опять твой авторитет перед сыном за уши притянул? Очень удобно, — скалится в улыбке, — облить меня сначала грязью, а после топтать ножками, — встает и поправляет галстук, — давай-ка ты в этот раз сама попробуешь найти с сыном общий язык. Покажи мне класс от супер-мамочки.

Глава 28. Когда развод?

— В этот раз я шлюху пропустил мимо ушей, Дима, — говорит тихо Марк. — Ты был после драки, на адреналине, но в следующий раз выражайся иначе.

— Как именно?

Да, я стою и подслушиваю Марка и Дима у закрытой двери. Рядом напряженно пыхтит мама. ей тоже любопытно, о чем ее любимые зятек и внучок так серьезно беседуют.

— Ты бы мог, например, сказать маме... — Марк задумывается на секунду и продолжает, — ты позволишь другой женщине хозяйничать в нашем доме?

Мама одобрительно кивает, и я прям слышу ее мысли “Какой Марк воспитанный и сдержанный мужик”.

— Думаю, что фраза другая женщина твою маму заставили бы задуматься куда серьезнее, чем просто шлюха.

Я возмущенно распахиваю глаза.

Он прав. Если бы в Дима назвал в ярости Фаину не шлюхой, а другой женщиной, то я возмутилась куда сильнее, ведь тогда бы это означало, что наш сын не видит врага в той, кто заняла мое место.

— Конечно, зависит, чего ты добивался в своей претензии, — вздыхает Марк. — Оскорбить Фаину? Но ее тут не было, и она не слышала твоего пассажира. Оскорбить меня? Сомнительно, потому что сейчас я довольно терпим к твоим выходкам. Тебя все-таки мать кинула.

Я стискиваю зубы до скрежета. Мама рядом опять согласно кивает.

— Ты хотел, чтобы тебя мама услышала и поняла тебя, поэтому стоило избежать тех оскорблений, которыми она с удовольствием наградила бы Фаину. Однако я не думаю, что она поймет, — голос Марка разочарованный. — И она не та женщина, что готова бороться за свой дом, сына, мужа.

Мама опять кивает. Она всецело согласная с Марком.

— Мы должны принять, что она слабая женщина, — Марк усмехается. — Чуть что, то бежит, прихватив все свои шубки и туфельки. Ну, оставлю тебя тут на недельку. Посмотрю, как вы ладите без моего контроля.

— Это глупо. Если хочет видеть меня и опять воспитывать своим тупостям, то пусть возвращается домой! — Димка повышает голос.

— Не найдете за эту неделю общего языка, то я больше не буду заставлять тебя приезжать к мамочке.

У меня трясутся руки. Мой сын вполне может решить, что я его бросила и предала, когда, сверкая пятками, кинулась прочь из дома, и за неделю вряд ли я смогу его переубедить и перетянуть на свою сторону.

Я могу моего мальчика потерять.

Я для своих детей оказалась недалекой трусливой дурой, которая испугалась любовницы, и зря так быстро сдалась.

Когда Марк выходит из комнаты и бесшумно прикрывает за собой дверь, я задерживаю дыхание.

Я могу сорваться в крики и опять доказать сыну, что я лишь тупая истеричка, которая только и умеет, что визжать и рыдать.

— Подслушиваете? — спрашивает он и одергивает пиджак за полы. — Девочки, это некрасиво.

— Маркуша, на обед не останешься? Я голубцы приготовлю, — воркует мама. — С твоей любимой остренькой подливой. Я острые перчики из санатория привезла, — хихикает, — сорвала с кустика в кабинете начальника санатория. Противная баба такая, поэтому не стыдно.

Да что там несколько перчиков, я их все сорвала. Вот так. А нечего мне рожу кривить на простые вопросы...

— Боюсь, что вынужден отказаться, — шагает в прихожую и медленно приглаживает волосы пятерней.

Мама толкает меня в бок и зло на меня зыркает, намекая, что я сейчас должна задержать муженька и соблазнить голубцами.

Это и есть борьба?

— Отказывается, потому что его обед занят... — подает гневный голос Дима, — другой женщиной!

Меня пробивает черной злобой, но я прикусываю кончик языка в попытке протрезветь от глупой ревности.

Марк не отрицает он садится на пуфик и лениво подхватывает черную туфлю с полки обувницы. Разминает шею с тихим хрустом позвонков.

Мама опять пихает меня в бок.

Неужели она правда считает, что я буду сейчас упрашивать его остаться на голубцы? Что за бред?!

Или чего она от меня ждет?

— Марк... — говорю я, когда он сует ногу во вторую туфлю.

— Да, Оля? — он даже взгляда на меня не поднимает.

Мама рядом не дышит и ждет моего нового решительного шага в борьбе за Марка.

— Когда мне ждать документы на развод?

Глава 29. Кринжовая мама

— Мама, оставь меня, — сердито говорит Дима и даже не поворачивается в мою сторону. Продолжает пялиться в телефон.

Весь закрыт от меня, иголки раскрыл в мою сторону и не хочет идти на контакт.

Марк ушел со словами, что бумаги на развод будут тогда, когда заберет сына. Меня сильно напрягло то, что он не вспылil на мою наглость, а я этого ждала.

Не оценил моей дерзости? Или ему на мои острые зубки наплевать, когда его ждет обед с "ДРУГОЙ ЖЕНЩИНОЙ"?

— Дима, не веди себя как ребенок, - нервно заявляю я.

Ох, зря я это сказала.

С мальчишками в его возрасте надо вести себя иначе, но... я не знаю как. Я — теоретик, и все мои знания о подростках из категории «как навешать лапши другим дурам и сыграть для других роль хорошей мамы».

Димка лишь лет до десяти был моим очаровательным малышом, который любил обниматься, быть рядом со мной и дурачиться, а потом он стал ближе к Марку, который перехватил эстафету воспитания.

Ну и я решила, что это правильно.

Мальчик подрос, и теперь ему пора учиться быть мужчиной.

— Мама, пожалуйста, оставь меня, — четко и по слогам повторяет Димка, будто я умственно отсталая.

Он действительно считает, что я сбежала.

Ладно, я действительно сбежала. В страхе, панике и не особо боролась за то, чтобы отвоевать сына у Марка.

Я уехала и не предприняла никакой попытки сына отбить у чокнутого отца, который другим мужикам пальцы ломает, но зато научила Фаину печь кексик.

Какая я очаровательная мамуля.

Могу, конечно, оправдать себя тем, что я сильно испугалась, но... опять все сводится к тому, что я спасала свою шкуру.

Марк сказал не дергаться, и я не дергалась даже ради сына. Ничего не предприняла.

Да, Марк бы ответил на мои попытки выступить против него, но моя борьба показала бы моим детям, что я не трусливая приспособленка и лгуныя.

Вот оно что.

Марк и здесь ткнул меня рожей в то, что я для себя дороже всего остального. Сбежала и засела у матери.

— Дима, — вздыхаю я за спиной сына.

— Что?

А я не знаю, что ему сказать. Боюсь, что после этой недели, он больше не изъявит желание видиться с трусливой матерью, которая и после развода не посмеет огрызнуться на Марка.

— Я тебя не кидала.

Дима цыкает и утомленно вздыхает.

— Твой отец — жестокий человек...

— Да что ты вообще о папе знаешь? — Дима резко разворачивается ко мне. — Что? Бандит? У него весь бизнес чистый, не подкупаешься, ага. А то, что он сопли не размазывает с придурками всякими, так это правильно! Ясно? Размазывал бы сопли, то никаких тебе песочных шубок, сшитых вручную!

Прикусываю язык. Это одна из моих последних обновок, которую Марк молча и без вопросов оплатил.

Сорок тысяч зеленых. Очень красивая, воздушная, как облачко, легкая и прекрасно смотрится вечерними платьями.

— Ах, бандит! — Дима пародирует женский возглас и вновь отворачивается. — Фу, блин.

Я — тупая.

Я — настоящая блондинка, над которыми мужики ржут в голос.

Я — та карикатурная жена богатого мужика, у которого противным голосом просят «зай, там такиииие туфелькииии! Такие туфельки у Меган Маркл! Я тоже хочу. Зааай, смотри. Красненькие».

Мужик без понятия, кто такая Меган Маркл, но деньги отстегнет своей тупой курице, чтобы отстала и оставила его в покое на пару дней.

— Дима, я... правда, не думала...

— Ты не умеешь думать, — шипит Дима.

Я шокировано замолкаю, и мне нечего возразить сыну. Я считала себя хитренькой и невероятно очаровательной в женской наивности, а оказалось, что я просто тупая блондинка из анекдотов про жен олигархов.

Вот о чем Марк мне говорит. Он вещает не про борьбу как таковую

Я не равная.

И все эти годы не была ему равной женой, которая, если потребуется, вместе с ним выйдет против всего мира.

Я была милой женой-питомцем, и в последний год я окончательно охамела, как капризная болонка, которая кусает хозяина, а после его недовольства прячется под диван, обмочив от испуга весь ковер.

— Дима...

— Мам, — шипит мой сын, — чего ты ко мне пристала?

— Ты считаешь меня дурой, да?

Молчит. Я спрашиваю не для того, чтобы обидеться и затем хлопнуть дверью. Я должна прочувствовать это детское разочарование во мне, как в матери и как в хозяйке дома, и принять свое фиаско, чтобы потом подумать, как жить дальше.

Если мозгов хватит, конечно.

— Дима.

— Да, — выключает телефон и откладывает его на стол, зло глядя перед собой. — Ты... вечно вызываешь лютый *кринж**.

**Кринж* — это слово, которое используется для описания чувства неловкости, стыда или дискомфорта, возникающего при наблюдении за чем-то неуместным, нелепым или чрезмерным.

Глава 30. Когда?

Ну, моя прекрасная Оленька в очередной раз убедила меня в том, что наш развод все же должен состояться.

Она та женщина, которая любит жить в фантазиях, показушной лжи, хвастовстве и вечной игре.

Она играет не только на публику, но для семьи у нее была своя роль очаровательно глупой женщины, которая прелестно хлопает ресничками и мило выпрашивает деньги на подарочки и свой женский клуб.

Не буду спорить, эта женская наивность мне нравилась: она меня возбуждала, и я-то влюбился в Оленьку за ее большие глаза и тихий восторженный голосок, но за тридцать лет все извратилось.

Оля за моей спиной откровенно меня поносила перед подружками, а после приходила домой и ласково ворковала новых сережках, которые присмотрела на днях.

— Без меня мой муж был бы никем, — говорила она на видео, которое мне со смехом показал Виталий, один из моих давних партнеров. Высокомерно хмыкала, — девочки, честно вам говорю, если бы я тогда сказала нет, то, вероятно, сегодня он бы был в общаге, с кредитами и деньги брал у мамы.

Для Виталия это видео сняла его любовница, которой удалось по личным рекомендациям через “знакомых знакомых” попасть на личные встречи “женского клуба”.

И не только это.

Я в этот вечер пересмотрел с десяток видео, и знаете, моя жена оказалась не той очаровательной дурушкой, с которой расслабляешься и наслаждаешься ее непосредственностью. Нет.

Моя жена оказалась тупой высокомерной идиоткой, которая несла откровенную чушь про нашу семью, про наши отношения, про наш секс.

По ее словам, она меня каждое утро радовала ротиком для рабочего вдохновения, а на деле притворялась мертвым опоссумом, когда я хотел с утраца пошалить.

А по вечерам перед сном мы практиковали какую-то тантрическую близость, в которой мы переплетались душами, мыслями и чакрами. После этого бреда моя Оленька пообещала пригласить в один из дней мастера по тантрическим практикам в клуб. Естественно, за мой счет.

— Это будет полезно каждой из нас, — так она сказала. — Мой муж в восторге.

Может, под тантрическими практиками она имела в виду то, как она в последний год мастерски обламывала меня каждый раз, когда я подкатывал к ней фаберже? Так умеет не всякая женщина.

Вот у тебя все стоит мощно, твердо и непоколебимо, а через минуту ты уже чувствуешь себя каким-то уродом-насилъником, который вынуждает бедную несчастную женщину терпеть его похотливые поцелуи. Ты откатываешь фаберже обратно, а тебе печально так воркуют в ушко:

— Милый, что случилось? Может, тебе помочь?

Короче, ласково выставляли импотентом. Вот уж точно чудо-практика.

Каждая тупая курица в полтинник должна этому мастерству научиться у Оленьки, ведь в таком возрасте у многих бабищ, похоже, все между ног отмирает к чертям собачьим, и из них вылупляются фригидные лживые стервы, которым все вокруг должны целовать в попу.

— Марк, все в порядке? — спрашивает Фаина. — Ты ни слова не проронил...

Фаина вновь мне напомнила, что я — мужик.

Что мой приказ может завести до мокрых трусов.

Что мне не надо шептать на ухо с противно-ласковым предложением “помочь”, ведь моя боеготовность на том же уровне, что и двадцать лет назад.

Что я люблю глубоко и смачно целоваться.

Что если я захочу, то могу потрахаться и в туалета ресторана. И мне не потребуется смазка, ведь меня хотят. Хотят до сбитого дыхания, поскуливания и искусанных губ.

Что нет никаких запретов на эксперименты.

А Оле то неудобно, то колено хрустнуло, то поясницу тянет, то голова кружится, то колени натерло, но все это не мешает ей читать эротические романы, в которых полуметровый баклажан с первого раза пихают в заднюю дверь. Чуть ли не с разбега.

Оля стала ленивая. Вот и все.

Терпеть не могу ленивых баб, ведь лень в женщине зарождается лишь тогда, когда нет любви.

Три минуты в туалете для нее предпочтительнее, чем живой муж. Может, для Оленьки повторить все эти сценарии из ее книжuleк, чтобы фантазии недотраханых авторш стали для нее реальностью?

Лень. Меня тоже начала одолевать лень. Для чего мне прыгать перед Олей? Что-то доказывать?

Ей не была нужна семья как таковая, не нужен был я настоящий, не нужны были настоящие дети.

Она убегала от нас в фантазии, и эти фантазии для нее были дороже реальности, от которой она и после развода спрячется.

— Марк...

— Ты когда поняла, что мужа разлюбила? — откладывая вилку и делаю глоток кофе.

— Когда я поняла, что не хочу быть с ним наедине, — Фаина подпирает лицо кулачком и печально вздыхает. — И когда я начала видеть в нем дурака, а не мужчину.

Глава 31. Никакая

— Ты только не обижайся, доча, — говорит мама и печально вздыхает, ожидая моего внимания.

Я сижу на кухне в углу у холодильника, скрестив руки на груди. Время — полночь.

Спать не могу.

Полежала час с открытыми глазами и пошла на кухню пить чай в тихом одиночестве, но за мной вышла мама и вредной тенью последовала за мной.

— Ты меня слушаешь, нет? Не притворяйся глухой, доча.

— Мам, отстань.

— Баба из тебя никакая, — заявляет мама и шумно отхлебывает чай. — На словах ты королевишна, а на деле — ни рыба, ни мясо.

Медленно выдыхаю. На пожилых людей нет смысла обижаться. Не буду даже фыркать в ответ.

— Если бы не Марк, то ты бы точно вышла замуж за Кольку.

Закатываю глаза.

— Его жена выперла из дома. Годами проигрывал бабки, залезал в долги, не работал...

— Мам.

— Вот такой муж тебе под стать.

Я перевожу злой взгляд на маму, и мои крылья носа вздрагивают в гневе.

— На правду не обижаются, доча, — отставляет чашечку. — Ты никакая. Вот так просто кинула свой дом. Свое гнездо. Своего сына. Мужа.

— Да ты издеваешься... — охаю я и повышаю голос. — Он мне изменял, мама!

— Дай угадаю, — мама откидывается на спинку стула и тоже скрещивает руки. — Ты, поди, Маркуше не давала играть с твоим бобриком, да?

Я сижу с открытым ртом и не знаю, как реагировать на мамину пошлость. Она у меня, конечно, бабулька современная и никогда не была ханжой, но разговаривать с ней о бобриках я не хочу.

— А чему ты удивляешься тогда, Оля? — усмехается мама и окидывает меня разочарованным взглядом. — Как давно вы не кувыркались?

— Мама!

— Как давно?! — рывкает она и встает, стукнув по столу. — Месяц? Два? Три? — вглядывается в мое лицо. — Полгода? — щурится. — Год? — округляет глаза. — Да ты совсем дура, что ли?!

— Это не твое дело, — цежу я сквозь зубы.

— Это какой-то кошмар, — она садится и закрывает лоб. — Какая же ты дура, Оля, — и опять вскрикивает на меня, — год! Год!

Я отворачиваюсь и краснею.

За этот год все совсем плохо стало. Марк ко мне периодически лез, а мне было... лень, и всячески изворачивалась, чтобы избежать долгих ночных марафонов. Либо притворялась бревном, с которого Марк сам с недоумением сползал и спрашивал, что происходит, или все ловко подводила к тому, что он сам не хотел тиранить меня.

И я умудрялась в такие моменты намекнуть на его мужское бессилие. Зачем? Чтобы его выставить виноватым, а не себя, ленивую тварь, которая стала возбуждаться только на книжных мужиков.

— Год! — возмущенно шепчет мама.

— Хватит, мам...

— Год муржила мужика и не думала, что он загуляет? Seriously? Seriously, Оля?!

Мне нечего ответить. Да, в этот год Марк проигрывал женскому клубу, моим лекциям, встречам, книгам, сериалам... Он проигрывал по всем фронтам. И чем больше я о нем врала, тем сильнее меня отворачивало от него.

— Поздравляю, Оля, — мама цыкает, — ты феерическая дура. Теперь у меня нет вопросов, почему ты вся такая аморфная тут сидишь.

— Что ты от меня хочешь? — подаюсь в ее сторону. — А? У него другая женщина, ясно?

— Нет бы хоть как-то дернуться, — мама приближает ко мне свое разъяренное лицо, — чтобы он пожалел об этой другой женщине. Засомневался. Чтобы он разочаровался в ней... Чтобы эта шмара была шмарой, а ты королевой. А ты... ты сейчас жалкая, трусливая и глупая бабища, которая просрала брак, мужа и детей. Вот видели бы тебя сейчас твои подружки... — кривит тонкие губы. — Вот чтобы они сказали, а?

Я сглатываю и затем швыряю кружку с чаем в стену. Громкий стук, и толстая керамика разлетается на крупные осколки. Тяжело дышу и цежу сквозь зубы:

— Они бы сказали, что я дура, — выдыхаю через яростно трепещущие ноздри, — да я бы сама про себя сказала, что я — идиотка. Довольна, мама?

— Я буду довольна, когда ты покажешь Марку, что ты пусть и дура, но та дура, которую он упустил, — шипит мне в лицо. — Не смей проигрывать какой-то шлюхе, Оля. Ты сейчас проигрываешь. Как мать, как женщина, как жена и... как дочь.

Глава 32. Гордая

— Ты так и будешь мать игнорировать? — спрашиваю я, привалившись плечом к проему кухни.

Димка сердито наяривает гороховый суп и не отрывает взгляда от телефона. Шмыгает, закидывает в рот новую ложку густого горохового супа и тянется к хлебу.

Мама отставляет чайник и напряженно косится на меня, и обращается к Димке:

— Тебе сколько котлеток? Две? Три?

— Три, бабуль. И с подливкой. Побольше.

Я возмущенно открываю рот. С бабушкой мы, значит, общаемся. Только меня не существует.

Только меня игнорируют.

— Мама, ты считаешь это нормальным? — вскидываю руку в сторону сына.

— Ты тоже садись и поешь, — мама вздыхает. — Скандалить я с тобой не буду. Мне с тобой все ясно, Оля.

— Да и мне тоже, — соглашается Дима и разочарованно плечами.

— Что тебе ясно? — меня начинает колотить крупной дрожью злости. — Поделись.

Дима поднимает взгляд, и я задерживаю дыхание. Как он сейчас похож на отца. Вот прям его юная и злая копия, которая очень на меня обижена.

— Там курьер принес твои новые книжки, — прищуривается. — Мам, ты нарываешься на грубость.

— Ну, давай, скажи мне эту грубость, — поскрипываю зубами.

— Сама напросилась, мам, — с угрозой щурится, — отвали ты уже от меня и читай свои тупые книги с тупыми названиями. С тупыми сюжетами. С тупыми героями. С тупыми диалогами.

— Много ты знаешь...

— Мне было достаточно пары страниц, чтобы понять, что у тебя в черепной коробке не так много мозгов, — скалится, как волчонок. — Это тебе не искусство войны Сунь Цзы, и даже не Байрон, которых папа читал. Или Данте. Или Марк Аврелий. А, может, Макиавелли? Ох, опять нет, — смеется, — нет, нет и нет. Только влажные фантазии тупых разведенок.

— Как ты смеешь...

— Ты сама напросилась, — фыркает. — Теперь ты согласна, что мне лучше молчать, да?

— Да, — шепчу я. — Согласна.

— Отлично, — криво улыбается, переводит взгляд на экран и сосредоточенно замолкает. Мама прижимает руку к груди и тихо спрашивает:

— Ты когда успела книги заказать?

— Вчера ночью...

Резко замолкаю.

Мне было грустно, одиноко и я заказала несколько новинок-бестселлеров. Нажала кнопку оплатить, и как-то не подумала, что к моему аккаунту все еще привязана старая карта. Та самая карта, которую для меня оформил Марк.

Он может проверить в банке ночную транзакцию и онлайн-чек, который должен был прийти в его личный кабинет.

А названия у книг, правда, тупые.

Невинная для хищника.

Сладкая ягодка для мерзавца.

Порочные ночи с боссом мафии.

Всхлипываю. Опять мафия. Опять бандиты. Опять влажные фантазии одиноких неудачниц.

— Оля, — мама напрягается. — Ты в порядке?

Еще и сын увидел эти ужасные книги. Я ждала доставщика после обеда, а он появился, когда я вышла в магазин за шоколадкой, чтобы подсластить свое одиночество.

Марк увидит чек, увидит названия книг и... я воочию вижу его разочарованное лицо и слышу презрительный вздох.

— Что за книги хоть? — спрашивает мама и переводит взгляд на Димку. — Мне теперь тоже интересно.

— Спрятал в ящик тумбы в прихожей.

Мама торопливо выходит из кухни. Проходит минута, две, и раздается протяжный осуждающий вздох. Я прикрываю лицо ладонью.

— Господи, Оля! Ты серьезно?! Босс мафии? Есть у тебя живой босс мафии! Свой родной!

— Мама, блин!

— Твоя бабушка, Оля, этой фигней даже бы печь не стала топить! Потому что это же... у меня слов нет! Да уж! Не Шекспир! Вот тебе и шутки про то, что развелись из-за любовных романчиков!

Вылетаю в прихожую к маме, вырываю из ее руки книги и рявкаю:

— Хватит меня унижать!

— Да ты сама неплохо с этим справляешься! — тоже кричит на меня. — Как тебя будет уважать сын после такого? А? Видеть умную женщину? Как Марку уважать тебя?

— Мне не нужно его уважение! — взвизгиваю в отчаянии. — Мне ничего от него не нужно! Ничего! Пусть оставит меня в покое!

— О, тогда тебя ждет свободная касса в пятерочке, раз тебе ничего не нужно от Марка, — подается в мою сторону. — Гордая ты моя курочка. Ничего не нужно. Вот и скажи ему завтра, когда он явится с документами на развод. Если, конечно, он сам явится, а не адвоката пошлет. Ему-то с тобой тоже все ясно.

Глава 33. Не забивай голову

— Оля, я тебя не совсем поняла... — мама садится рядом и заглядывает в мой профиль, — какая цыганка?

Я шмыгаю.

Я решила, что хватит с меня унижений от мамы и что я должна быть сильной и смелой.

Я должна съехать и начать новую самостоятельную жизнь.

Да, вот так я решила и гордо пошла в ломбард, который нашла через квартал вверх по улице.

Сдала платиновые гвоздики с бриллиантами в сложной огранке «сердце» за сто пятьдесят тысяч рублей. Были куплены они за восемьсот тысяч, но оценщик отказался платить больше: я не сохранила коробочку, чек, пломбу, сертификат на бриллианты.

Я же не думала, что все вот это надо сохранять. Я выпрашивала серьги у Марка не для того, чтобы их потом сдавать в ломбард, а чтобы радоваться их красоте и наслаждаться тем, как они искрят в моих очаровательных ушках.

Короче, вышла я из ломбарда со ста пятьюдесятью тысячами с твердой решимостью сегодня найти квартиру на съем, но мне повстречалась цыганка.

— Что же ты, красавица, такая печальная? — спросила она и тяжело вздохнула.

— Развожусь, — ответила я и вернулась домой без денег.

Я отдала цыганке все деньги, которые выручила за серьги. Все. И я не знаю, как так вышло.

Я лишь помню то, как с улыбкой и словами благодарности отдаю пачку денег, а мне в ответ обещают, что я еще встречу свою судьбу. Я ведь такая красавица.

— Оля... — мама медленно выдыхает, — ты отдала деньги цыганке?

Я киваю.

Я жду криков, что я дура и что безмозглая курица, но мама шокированно молчит. Я превзошла саму себя.

— Господи, — мама встает и выходит из комнаты, — я уже и говорить ничего не буду. Это бесполезно.

Закрываю глаза и прячу лицо в ладонях. Когда я перестану позориться? Почему я такая тупая? Почему этот жестокий мир продолжает и продолжает бить меня?

Может, меня акушерки уронили вниз головой несколько раз?

— Что опять? — слышу голос сына.

— Не забивай голову, — тихо и устало отвечает мама, и я кожей чувствую ее материнскую досаду.

Быть такой глупой простительно лет в пятнадцать, но не в пятьдесят, когда я сама уже стала бабушкой.

Над такими женщинами всегда смеялись и будут смеяться.

В комнату заглядывает Дима. Хмурится на меня и ждет от меня подробностей, но как я могу ему признаться в том, что пошла и продала по дешевке подарок его отца, а после была обманута цыганкой? Для любого подростка такое материнское признание станет разочарованием в матери, как в родителе и как в человеке.

Какой позор. Боже мой.

— Ясно, — фыркает Дима, не дождавшись от меня ответа на его требовательный взгляд и уходит.

Не мать, а позорище.

Смахиваю слезу со щеки и закусываю губы до острой боли.

Я хочу позвонить Марку.

Хочу пожаловаться ему и на ломбард, в котором выкупили серьги меньше чем за двадцать процентов стоимости, и на цыганку. Хочу поплакать в трубку, хочу услышать его хриплое «Разберемся, Оленька. Не кипишуй» и хочу вновь почувствовать его защиту и покровительство, но, увы, я больше не его жена, за которую он порвет и ломбард, и цыганку, и весь мир.

Он даже не позвонил мне после моих тупых книзулек, к которым я не притронулась, а я ждала. Ждала его жестокой насмешки и угроз, что он может повторить все горячие сцены, но, видимо, мама права. Он понял, кто я есть, и окончательно потерял ко мне интерес.

И Фаина, вероятно, грамотно воспользовалась ситуацией. Я кинула дом, исчезла из поля зрения Марка, и она перетянула на себя его внимание, а затем, глядя со стороны на наш брак, на меня, на мое поведение с ним, мой муж осознал, что я не имею никакой ценности. Я ее потеряла.

Так оно и бывает. Женщина пропадает с радаров мужчин, и они приходят к двум диаметрально противоположным выводам: либо он не может жить без этой женщины, либо она — привычка и балласт.

Вздрагиваю, когда у меня на коленях вибрирует телефон. Может, Марк? Но нет. Незнакомый номер. Прикладываю смартфон к уху и тихо говорю:

— Алло?

— Здравствуйте, Ольга. Я адвокат вашего мужа Фролов Максим, — голос ровный и холодный, — хотел уточнить, вы свободны завтра в одиннадцать часов утра? Я планирую подъехать с документами на развод.

Глава 34. Внимательно слушаю

Стук в дверь кабинета и молчание.

— Кто? — устало спрашиваю я. — Фаина?

Она очень любит эту игру, в которой она стучит в дверь и ждет приказа «Заходи».

Ее возбуждают мои приказы.

А моя почти бывшая женушка клала большой и толстый на мое право уединения и личного пространства: всегда врывается без стука, требовала немедленного внимания и очень не любила, когда запирался.

Очень обижалась, и этих обид в последнее время было слишком много: не так как-то помотришь и все, надулась, нахохлилась и ждет извинений.

Короче, сейчас-то я понимаю, что меня разводили на дорогие извинения через путевки в отпуск, украшения, нишевую парфюмерию, огромные букеты, туфельки, сумочки...

— Нет, босс, — отвечает голос Валеры, — это мы. Я и Ванька.

Ванька мычит.

— Что там у вас? — откидываюсь назад.

Заходят.

Ваня решительно шагает к столу. Размещает по центру стола пачку пятидесятирублевых купюр и сверху аккуратно кладет знакомые серьги-сердечки. Почти лям за них отдал, чтобы получить от своей женушки благодарный поцелуйчик в ухо и шеи. Ах да, еще потерлись носиком о висок.

— Что это?

Ваня оглядывается на Валеру, который со вздохом поясняет:

— Ваша жена сдала серьги в ломбард, а после отдала деньги цыганке.

— Так, — устало говорю я.

Я никак не реагирую на эту очаровательную новость. Что же, для меня не новость, что Оля не знает ценности ни подарков, ни денег.

— Ну... — Валера хмурится, — мы решили, что это неправильно. Серьги забрали... И деньги... — чешет затылок. — Мы, короче, даже в плюсе оказались, — улыбается. — Как-то так.

Скидываю серьги на стол и пересчитываю. Продешевила.

Ну, ничего удивительного. Поднимаю взгляд на парней:

— То есть у меня могут быть проблемы с владельцем ломбарда и каким-нибудь местным цыганским бароном? — возвращаю деньги на стол, не спуская взгляда с Вани и Валеры.

Цыгане очень неприятные. Всех этих попрошаек, гадалок крышуют отвратные личности, с которыми я старался никогда не иметь дел. Мне противно, а Оленьке была западло даже деньги отдавать в грязные руки.

Гипноз?

Он в принципе позволила с собой заговорить бессовестной швали, а мне придется объяснять цыганскому боссу, что не ту бабу решили облапошить.

— Не стоило лезть, да? — спрашивает Валера. — Косяк, да?

— Косяк, — тяну я и закидываю ноги на стол.

Закрываю глаза.

Значит, решила продать именно те серьги, которые были подарены лично мной. Понимаю, деньги нужны, но могла бы начать с тех украшений, которые ей были подарены на наши юбилеи посторонними людьми. Теми людьми, с которыми я веду бизнес. Они тоже дарили золото с драгоценными камушками.

Нет, она решила начать именно с моих подарков.

Поэтому мои парни и влезли. Эти серьги были куплены мной для жены, и они увидели в этом неуважение и даже, наверное, кощунство.

Забавно, что и свекровь в этот раз не стала звонить со слезами и уговорами, что Оленьку нельзя вот так бросать. Видимо, допекла и мать.

Я еще не отошел от названий книжек, которые она себе заказала, а она решила удивить меня ломбардом и цыганкой.

Ей будто не пятьдесят лет, а пятнадцать. Меня, конечно, в свое время очаровала ее наивность и глупость, но не сейчас. Сейчас я хотел бы увидеть не девочку, а женщину и мать, а она на книжки рукоблудит. На выдуманных боссов мафии.

Хмыкаю. Я ведь в первый момент, когда увидел чек, по глупости подумал, что Оленька решила поиграть со мной, пощекотать провокациями, намекая, что ждет от меня, как от босса мафии, порочных ночей, но я притормозил в ожидании новых намеков.

И как оказалось, я опять ошибся в Оле. Не провоцировала она меня. Оставляю я ее книжным мафиози. Пусть дальше просирает брюлики, деньги, влезает в сомнительные истории.

— Оля больше не ваша забота, — говорю я.

— Поняли, босс, — глухо отвечает Валера.

Выходят, и на грани дремоты чувствую, как вибрирует телефон на столе. Шарюсь рукой, хватаю смартфон и, не глядя на экран, принимаю звонок:

— Внимательно слушаю.

В динамике молчание, а после раздается тихий и стыдливый всхлип.

— Оля, это ты? — удивленно спрашиваю я.

Приглашаю в гости к Черновым!

«После развода. Мы стали чужими в 50» <https://litnet.com/shrt/raqW>

— Господи, Лера, да сопلي ты уже свои подбери! — раздраженно гаркает на меня Ярослав.

Даже пол вибрирует от его приказа. Сердце сжимается.

— У тебя другая женщина... — сиплю отрываюсь я и закрываю лицо руками, забываясь в бессилии в угол дивана.

— Да, любимая женщина, — четко проговаривает.

— А я? — мои ладони соскальзывают с мокрого от слез лица.

— А ты, — презрительно отрезает, — привычка, от которой пора отказаться.

Я ищу загнанным взглядом поддержку у дочери, которая в ответ лишь пожимает плечами:

— Вот теперь и ты знаешь, кем ты стала для отца за все эти годы.

<https://litnet.com/shrt/raqW>

Глава 35. Быть взрослой

— О, замечательно, теперь я виновата? — мама смеется и разводит руки в стороны. — Оля, ты очаровательна в своей наглости!

— А кто меня такой воспитал?! — в отчаянии спрашиваю я.

Да, мои претензии маме, что я уродилась такой тупой клушей, возмутительно глупы, но я не могу заткнуться.

Из меня прет та агрессия, которую я должна была обрушить на оценщика в ломбарде или на цыганку, что умыкнула мои деньги, но я лучше покричу на маму.

И обвиню ее во всех грехах.

Опять сниму с себя ответственность. Это у меня получается на отлично. Я в любой ситуации найду кого обвинить в своей глупости и беспомощности.

— Ты такой меня воспитала! Вот!

— Оля, тебе пятьдесят лет! — мама продолжает смеяться. — Пятьдесят! Ты сама уже давно мать! У тебя уже внук появился! Оля! — щелкает перед моим лицом узловатыми пальцами. — Ау! Ты совсем охамела?!

— Ты была деспотичной!

— Что еще скажешь? — мама хмыкает и скрещивает руки на груди. Вскидывает бровь. — Продолжай, доча. Это у тебя манера такая, да? Поливать грязью тех, с кем ты живешь? Как удобно так жить, Оля, да? Все вокруг виноваты, но не ты. Ты — Принцесска, — усмехается и повышает голос, — старовата ты для тупой принцесски, ясно? В этом возрасте, дорогуша, женщина становится либо королевой, либо дурой! Поздравляю, ты — дура! Наглая, бессовестная, — делает ко мне шаг, — и приживалка! Живешь со мной, жрешь мои завтраки, обеды и ужины, и палец о палец за все эти дни не ударила! Даже твой сын мне посуду моет, а ты? Приехала, опять села на шею и ножки свесила!

Я отступаю и шумно выдыхаю возглас возмущения, но больше ничего против не могу сказать.

Я, правда, за эти дни ни разу не предложила помощи маме. За продуктами гоняет Димка, посуду он же моет, а я?

Я страдаю.

— Мам, я...

— Что ты? — рывкает мама и краснеет от злости. — Я все эти дни смотрю на тебя, смотрю... и понимаю, что у меня к тебе кроме разочарования и жалости нет! Знаешь, даже если ты выручишь за свои брюлики и шубы деньги, то ты их просрешь! Цыганка — это только начало! Ты же влезешь в эту новомодную крипту, согласишься мошенникам, скинешь бабки подставным брокерам, окажешься в сетевухе или вляпаешься в пирамиду! Ты просто вот такая! Ни мозгов, ни ответственности и ни желания взрослеть! Я виновата?! Очаровательно, Оля! Чем еще удивишь?

Я отворачиваюсь от мамы и прижимаю ладони к лицу.

Мне резко становится стыдно.

Неужели не могла взять на себя ужины и уборку квартиры? Даже у моего сына, которого я обвинила в эгоизме, больше ответственности и благодарности перед пожилой бабушкой. После ужина он без возмущений встает к раковине, а я, печальная амеба, плыву страдать и негодовать на несправедливость этой жизни.

Почему я так поступаю?

Потому что я жертва. Жертвы не моют посуду, не пылесосят, не моют полы, не готовят обеды-ужины.

Что же я за дочь такая?

Опять, по сути, живу за чужой счет и вновь пытаюсь перевернуть так, что в моих бедах уже виновата семидесятилетняя мать.

Если я сама веду себя эгоистичным и скандальным ребенком, то чего я жду тогда от своих детей?

Я торопливо выхожу из кухни по тяжелый вздох мамы. Прячусь в спальне, приваливаюсь к двери и медленно оседаю на пол. Я провалила все свои роли: жены, матери и дочери.

Утыкаюсь лбом в колени и закрываю руками голову.

Я должна как-то повзрослеть. А с чего начать взрослеть пятидесятилетней женщине на пороге развода?

Я должна поговорить с Марком.

Разбежались мы с ним с криками, угрозами, страхом и презрением, но мы ведь прожили вместе тридцать лет.

Взрослые женщины не игнорируют такой серьезный срок семьи, и я должна понимать, что у нас с Марком трое детей, один из которых несовершеннолетний.

И все они тянутся не ко мне, а к отцу, и дело не только в деньгах. Я могу потерять детей, если мне не удастся наладить сейчас с Марком теплые отношения, в которых он выступит не агрессором, а защитником.

Он должен увидеть во мне не жалкую неудачницу, с которой противно даже говорить, а слабую женщину, которая учится жить и к которой есть уважение за ее мягкость.

Я должна признаться, что продала его подарок. Признаться, что меня обманули. Признаться, что с Димкой у меня не ладится и что без его отцовского авторитета я потеряю нашего сына.

Быть взрослой — не кричать, плакать и топать ножками.

Вытираю слезы и ползу на четвереньках к кровати, на которой я оставила телефон. Ойкаю, когда колени похрустывают болью. Хватаю смартфон, сажусь на коврик и аккуратно вытягиваю ноги.

Щелчок в коленях.

Всхлипываю. Да, не шестнадцать лет. Решительно ищу в книге контактов номер Марка. Сердце учащает бег, и я почти готова швырнуть телефон в стену, но палец сам касается строчки с именем моего почти бывшего мужа.

Рука дрожит. Прикладываю телефон к уху и зажимаюсь, напряженно внимая гудкам.

— Внимательно слушаю, — раздается низкий и уставший голос Марка в динамике.

Глава 36. Не удивлен

— Внимательно слушаю.

Мир замедляется, когда я слышу хриплый вибрирующий баритон Марк, и меня будто накрывает теплый мягкий плед, под которым можно спрятаться от всех невзгод и опасностей.

Это голос мужчины, который ничего не боится и который никогда не суетится. Не сомневается, и для него мир — арена, на которой он давно победил, а если появится тот, кто захочет оспорить силу и власть Марка, то он горько пожалеет.

Ловлю себя на мысли, что хочу сейчас сидеть рядышком с Марком, чтобы вновь почувствовать ту его мужскую уверенность и силу, которая позволяла мне быть глупой девочкой даже в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.